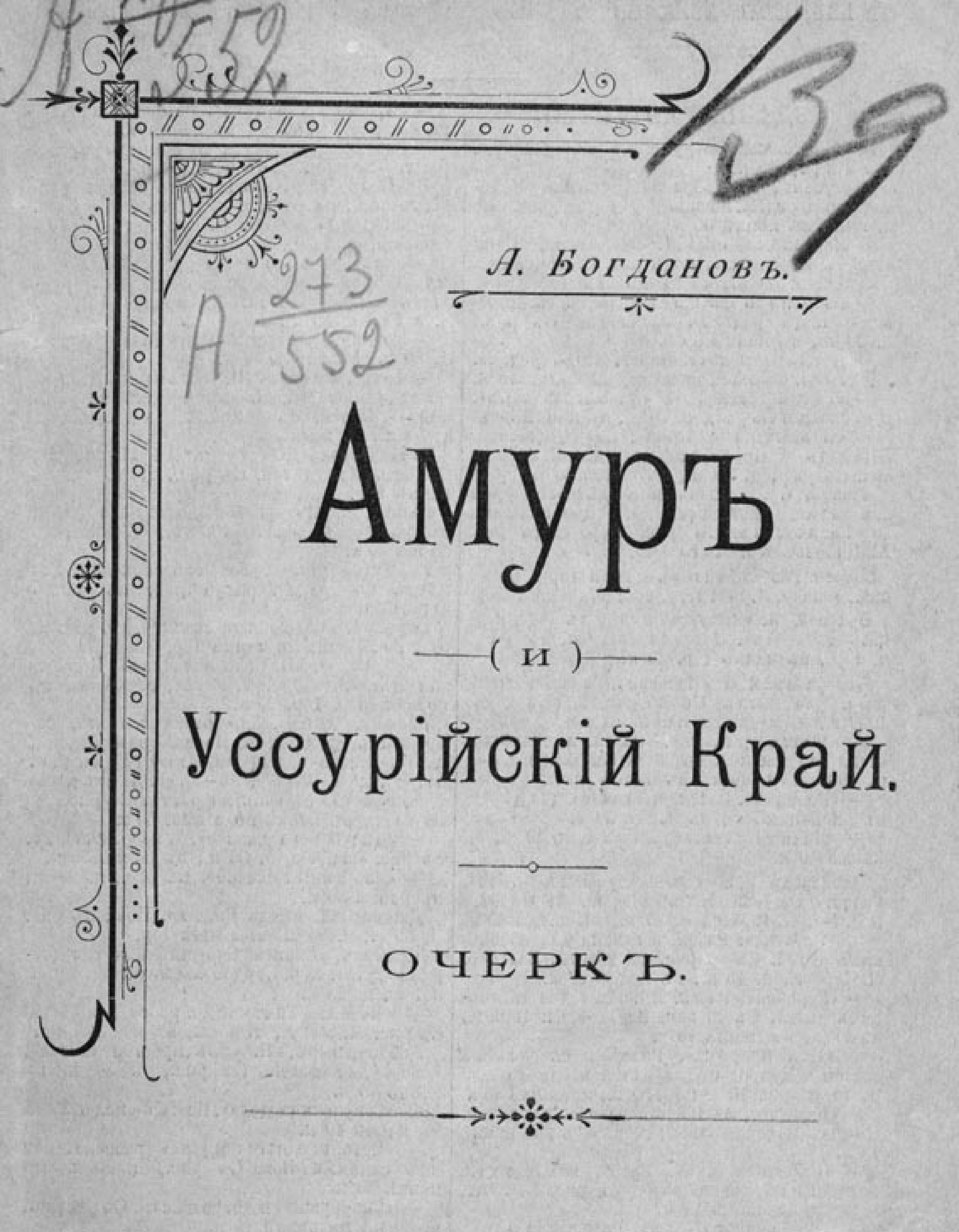

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина.
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

А. Богдановъ.

Амуръ и Уссурійскій Край.

ОЧЕРКЪ.

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина.
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Дозволено цензурою. Москва, 4 іюня 1905 г.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

I.

Многіе изъ читателей, очень возможно, и понятія себѣ не составятъ, что такое это Амуръ и что это за Уссурійскій край. Амуръ—это большая рѣка, а Уссурійскій край—довольно-таки большая область. Но гдѣ же эти р. Амуръ и Уссурійскій край? Да все въ предѣлахъ нашей необъятной Россіи, только страшно далеко отъ Европейской Россіи—до этой рѣки и до этого края будетъ отъ Москвы самое меньшее тысячъ восемь верстъ.

Пріамурье и Уссурійскій край лежатъ въ самомъ юго-восточномъ углу Сибири, на самомъ далекомъ отъ насъ концѣ ея. Навѣрное, всякому хоть по слуху знакомо имя острова Сахалина; такъ вотъ этотъ островъ находится какъ разъ у береговъ Уссурійскаго края, отдѣляется отъ него только узкимъ Татарскимъ проливомъ, куда и впадаетъ рѣка Амуръ.

Край этотъ довольно-таки большой; онъ занимаетъ площадь въ 670 слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ, то-есть немного чѣмъ меньше двухъ сосѣднихъ съ нами государствъ вмѣстѣ, Швеціи и Норвегіи.

На востокъ этотъ край подходитъ прямое къ Японскому морю и по берегу этого моря какъ бы какимъ-то угломъ врѣзается въ Китай, въ сѣверную часть его, въ Маньчжурію. Отъ Маньчжуріи же съ запада онъ отдѣляется рѣкою Уссури, впадающею въ Амуръ.

На югѣ въ Уссурійскій край изъ Маньчжуріи входятъ горы, которыя, продолжая направляться на сѣверо-востокъ, идутъ вдоль морского берега и доходятъ до самаго Амура. Горы эти называются Сихота-Алинь. Къ морю эти горы спускаются очень круто и болѣе здѣсь высоки, чѣмъ западные ихъ отроги; часто онѣ оканчиваются отвѣсными и голыми утесами. Къ западу же онѣ опускаются постепенно и образуютъ холмы между главнымъ хребтомъ и правымъ берегомъ Уссури и ея притоками.

Мѣстами Японское море вдается въ материкъ, образуя множество заливовъ; въ одномъ изъ такихъ заливовъ, самомъ обширномъ, на югѣ Уссурійскаго края, въ заливѣ „Петра Великаго", лежитъ большой торговый городъ и военная гавань Владивостокъ.

Японское море очень неудобное море—въ немъ среди лѣта господствуютъ страшные туманы. Вдругъ среди яснаго солнечнаго дня, при полнѣйшей тишинѣ, въ какія-нибудь пять минутъ, пароходъ оказывается окруженнымъ густымъ, непроницаемымъ туманомъ, мѣшающимъ ему идти впередъ. И такіе туманы, хотя и на короткое время, появляются по нѣскольку разъ въ теченіе сутокъ. Лучшее время, когда не бываетъ этихъ тумановъ, это—осень, а самый лучшій, самый ясный мѣсяцъ на морѣ, это—сентябрь.

Туманы эти да морскіе вѣтры составляютъ главную причину, почему растительность края по берегу моря представляетъ самый жалкій видъ. Почти по всему берегу тянутся высокія скалы, образуя узкія ущелья, черезъ которыя текутъ рѣчки, оканчивающіяся у моря или болотистыми берегами, или песчаными отмелями. Верстъ на двадцать отъ берега почти никогда не уви-

дишь настоящаго лѣса; только высокая трава да густой кустарникъ мѣстами разнообразятъ эту дикую береговую картину, которая совершенно мѣняется верстахъ въ тридцати отъ берега.

Въ самомъ морѣ, омывающемъ берега Уссурійскаго края, царятъ какая-то безжизненность и глубокая тишина; морскія животныя большихъ размѣровъ, свойственныя океану, попадаются рѣдко; рѣдко когда увидишь дельфиновъ, которые въ другихъ моряхъ цѣлыми стадами обыкновенно сопровождаютъ пароходъ. Только мелкіе слизняки, сообщающіе водѣ фосфорическій цвѣтъ, указываютъ, что вы плывете по океану.

Какъ уже было сказано, на западѣ Уссурійскій край отдѣляется отъ Китая рѣкою Уссури, которая служитъ границею на протяженіи около 500 верстъ. Рѣка Уссури сливается изъ двухъ рѣкъ—Даубихэ и Сандогу.

Даубихэ вытекаетъ изъ горъ Сихота-Алинь. Здѣсь эти горы высоки, лѣсисты и необитаемы, покрыты хвойными лѣсами, какъ и берега рѣки. Сначала рѣчная долина узка и дика, потомъ горы нѣсколько отодвигаются отъ береговъ, и въ рѣчной долинѣ начинаютъ встрѣчаться луга и болѣе или менѣе обширныя равнины. Рѣка постепенно расширяется и доходитъ до 100 саженъ; но судоходства на ней нѣтъ, такъ какъ въ рѣкѣ попадается множество мелей и плаваетъ масса наноснаго лѣса; кромѣ того, на рѣкѣ часто случаются большія наводненія. Верховья рѣки необитаемы и только лѣтомъ немного оживляются являющимися сюда охотниками.

Другой истокъ Уссури, Сандогу, вытекаетъ изъ болотъ; берега этой рѣки лѣсисты и необитаемы;

оживляются они тоже только лѣтомъ охотниками, на зиму уходящими домой. Въ верхнемъ своемъ теченіи рѣка напоминаетъ горный потокъ, несущійся со страшной быстротой.

Соединившись вмѣстѣ, обѣ эти рѣчки образуютъ рѣку Уссури, которая течетъ по гораздо уже болѣе открытой долинѣ, поросшей лиственнымъ лѣсомъ; хвойные лѣса и горы уходятъ на значительное разстояніе отъ береговъ. Рѣка не похожа уже на горный потокъ, а течетъ болѣе спокойно, изобилуетъ рыбой, которую ловятъ полудикіе туземцы. Здѣсь уже Уссури представляетъ большія удобства для поселеній.

Уссури съ лѣвой стороны принимаетъ въ себя судоходную рѣку Сунгачи. Трудно найти гдѣ-нибудь другую рѣку, которая дѣлала бы такъ много изгибовъ и чтобы изгибы эти были такъ круты. По прямой линіи отъ истоковъ рѣки до устья ея самое большое девяносто верстъ, а на самомъ дѣлѣ протяженіе ея втрое болѣе, доходитъ своими изгибами до 270 верстъ. Рѣка эта узкая, 20—25 саженъ. Изгибы и узость рѣки затрудняютъ плаваніе пароходовъ. Во время плаванія днемъ солнце показывается каждую минуту съ разныхъ сторонъ; изгибы до того круты, что иногда, послѣ двухъ или трехчасового плаванія, приходится возвращаться почти къ тому же мѣсту, которое теперь отдѣляется отъ васъ едва десятками саженъ земли.

Все пространство, орошаемое р. Сунгачи, представляетъ обширнѣйшую низменную равнину, богатую травяною растительностью и чуть не сплошь покрытую рѣчками и безчисленными озерами. Только вблизи устьевъ Сунгачи мѣстность нѣсколько возвышается и разнообразится лиственными лѣсами; все же остальное

пространство не только весною или осенью, но даже лѣтомъ почти непроходимо по причинѣ своей болотистой почвы; во время же таянія снѣговъ и разливовъ рѣкъ все это пространство представляетъ почти сплошное озеро.

Рѣка Сунгачи вытекаетъ изъ озера Ханка, имѣющаго до 250 верстъ въ окружности, до 80 верстъ въ длину и 50 въ ширину. Озеро это мелко.

Кромѣ Сунгачи въ Уссури впадаетъ еще нѣсколько небольшихъ рѣкъ. Ширина Уссури весьма различна: отъ 70 саженъ до $1^3/_4$ версты.

Сама рѣка Амуръ по длинѣ и по величинѣ омываемаго ею пространства земли является одной изъ величайшихъ рѣкъ Азіи, да и всего свѣта тоже. Длина его болѣе четырехъ тысячъ верстъ.

Амуръ, наподобіе своего притока Уссури, образуется изъ двухъ рѣкъ, Шилки и Аргуни, и только по сліяніи ихъ носитъ свое настоящее имя. Если за начало Амура принять р. Шилку, то Амуръ, подъ названіемъ Онона, протекаетъ около 600 верстъ и, соединившись съ Ингодой, образуетъ Шилку, длина которой до соединенія ея съ Аргунью равна около 400 верстъ. Соединившись съ Аргунью, Шилка принимаетъ названье Амура; отсюда начинается правильное судоходство, между тѣмъ какъ по Шилкѣ оно очень затруднено мелководьемъ, особенно отъ времени вскрытія до середины лѣта.

У станицы Амазаръ къ Амуру подходятъ крутыя, скалистыя горы, между которыми онъ течетъ большими извилинами, а ширина его долины равна верстамъ двумъ. Потомъ горы отходятъ отъ рѣки дальше, а вблизи Албазина еще дальше; долина рѣки здѣсь ши-

рока и усѣяна островами. Нѣсколько далѣе рѣка суживается, теченіе становится извилисто, берега гористы, покрыты густымъ лиственнымъ лѣсомъ, мѣстами по берегамъ попадаются замѣчательно красивыя скалы. Далѣе слѣдуютъ мѣстами низкіе берега, чередуясь съ высокими, и, между Албазиномъ и Кумарой, мелководье въ началѣ лѣта часто затрудняетъ судоходство. У Корсаковской станицы горы близъ рѣки кончаются, и долина, начиная со впаденія Зеи, на правомъ берегу гораздо выше, чѣмъ на лѣвомъ. Вообще отъ Кумары до Благовѣщенска, до впаденія Зеи, судоходство по рѣкѣ удобно. Ниже устья Зеи лѣвый берегъ Амура низменный, безлѣсный на нѣсколько сотъ верстъ, справа горы также рѣдко подступаютъ къ рѣкѣ. Ниже р. Буреи Амуру приходится прорѣзывать горный хребетъ, онъ суживается до 300 саженъ, а долина его похожа на каменный коридоръ. Растительность здѣсь роскошна, много лиственнаго лѣса, вьющихся растеній, напримѣръ, дикаго винограда.

Ниже этихъ горъ долина Амура однообразна, малолѣсиста, почти безлюдна, по рѣкѣ много острововъ. Вскорѣ въ Амуръ впадаетъ главный его притокъ Сунгари, протекающая по Маньчжуріи. Желтовато-бѣлыя, мутныя воды Сунгари долго не смѣшиваются съ болѣе темными водами Амура. Нѣсколько далѣе впадаетъ Уссури.

Ниже Уссури, Амуръ становится еще шире, образуетъ множество острововъ; лѣвый берегъ верстъ на полтораста низокъ, а далѣе оба берега гористы, а лѣвый берегъ даже круче. Берега поросли хвойнымъ лѣсомъ. Чѣмъ ближе къ Горыни, тѣмъ горы выше, и нерѣдко видны бѣлые гольцы — это или небольшие

остатки снѣга, или горы, лишенныя растительности. Ниже Горыни лѣвый берегъ и лѣвая долина представляютъ обширную равнину; направо — горы. Вблизи праваго берега, у подножья горъ, лежитъ озеро Кизи, соединяющееся съ Амуромъ протоками. Ниже Амуръ принимаетъ въ себя слѣва значительный притокъ Амгунь и отсюда подъ прямымъ угломъ направляется на востокъ къ морю.

Хотя Амуру на своемъ теченіи приходится пробиваться черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, однако на немъ нѣтъ ни пороговъ, ни водопадовъ. Очевидно, эти горы пробиты рѣкой такъ давно, что она успѣла уже пріобрѣсти правильное теченіе.

Область Амура очень бѣдна снѣгомъ зимой, поэтому правильнаго весенняго разлива отъ его таянія не бываетъ, и въ маѣ и іюнѣ вода обыкновенно стоитъ низко, а разливы бываютъ въ іюлѣ и августѣ, отъ сильныхъ дождей; впрочемъ, разливы бываютъ не каждый годъ, но прибыль воды въ эти мѣсяцы замѣчается всегда.

Лѣтніе разливы иногда бываютъ очень опустошительны — уносятъ съ собою цѣлыя станицы.

Замерзаетъ Амуръ въ началѣ ноября, а вскрывается въ концѣ апрѣля, такъ что рѣка цѣлыхъ полгода покрыта льдомъ. Это имѣетъ большое вліяніе на судоходство по Амуру, надолго лишая выхода къ морю.

Но судоходство и торговля по Амуру и его притокамъ развиты слабо; но виноваты тутъ не естественныя условія, а рѣдкость населенія русскаго берега.

II.

Уссурійскій край надо назвать страной южной, такъ какъ онъ лежитъ на одной широтѣ съ нашимъ Кавказомъ или съ Крымомъ, и тѣмъ не менѣе климатъ края ничуть не соотвѣтствуетъ его южному положенію. Рядъ наблюденій показалъ, что средняя годовая температура края равна только двумъ градусамъ тепла, что соотвѣтствуетъ такимъ сѣвернымъ городамъ, какъ Вологда, Петрозаводскъ.

Колебаніе температуры здѣсь тоже очень рѣзкое. Зимой морозъ доходитъ до 30 градусовъ; Уссури обыкновенно замерзаетъ въ началѣ ноября и вскрывается въ началѣ апрѣля; на озерѣ же Ханка часто ледъ растаиваетъ только въ началѣ мая. Снѣгъ покрываетъ землю до полусажени въ высоту.

Лѣтомъ жара въ тѣни доходитъ до 25 градусовъ, причемъ такая жара сопровождается обыкновенно сильными дождями, случающимися чаще всего въ іюлѣ. Въ такое время рѣки выступаютъ изъ береговъ и заливаютъ свои долины, часто болѣе чѣмъ на саженную глубину.

Береговая морская полоса лѣтомъ подвергается дѣйствію сильныхъ тумановъ. Въ Уссурійскомъ краѣ лучшее время года—осень, которая, по большей части, бываетъ ясной и достаточно теплой.

Вообще климатъ Уссурійскаго края неблагопріятенъ для хорошаго развитія жизни. Происходитъ это отъ направленія горныхъ хребтовъ и отъ ихъ относительной высоты. Горы окружаютъ весь Уссурійскій край и Пріамурскій край сплошной цѣпью, причемъ на сѣверѣ эти горы, именно Становой хребетъ, не высоки,

не задерживаютъ холодныхъ вѣтровъ, на югѣ же, изъ Китая, возвышается довольно значительный хребетъ, не пропускающій теплыхъ вѣтровъ. Поэтому и весь край долженъ болѣе походить на сосѣднія сибирскія тундры, чѣмъ на южныя области.

Кромѣ того, берега Уссурійскаго края омываются Японскимъ моремъ, куда частенько изъ сосѣдняго холоднаго Охотскаго моря, черезъ Татарскій проливъ, заходятъ льды, что въ значительной степени охлаждаетъ температуру. Да и холодные туманы, разстилающіеся, какъ было сказано, по Японскому морю, неблагопріятно вліяютъ на климатъ.

Наконецъ, такъ же неблагопріятно вліяютъ господствующіе здѣсь осенью и зимою западные и сѣверо-западные вѣтры, а весною и лѣтомъ южные и юго-западные; зимніе вѣтры, идя съ суши, приносятъ сухость, ясность и холодъ, а зимніе—съ моря—періодическіе дожди.

Если плыть по Амуру, то уже въ среднихъ частяхъ его встрѣчаешь южныя растенія, какъ виноградъ и пробковый дубъ. Поневолѣ воображаешь, что дальше, въ Уссурійскомъ краѣ, должны встрѣтиться еще болѣе нѣжныя растенія. Но такое предположеніе можетъ обмануть. Амурскій и особенно Уссурійскій край замѣчательны тѣмъ, что представляютъ странную особенность какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ: здѣсь, на одномъ и томъ же пространствѣ, находится странная смѣсь самыхъ сѣверныхъ и южныхъ представителей животныхъ и растеній

Одинъ изъ путешественниковъ такъ описываетъ растительность и животный міръ Уссурійскаго края и общій видъ природы.

Въ тайгѣ Сибири царятъ хвои, мертвящія самую природу; въ ней трудно искать вдохновенія: она однообразна, какъ океанъ или пустыня. Но тотъ или другая живутъ жизнью стихій, разнообразятся игрою свѣта и тѣней; тайга же далекаго сѣвера вѣчно однообразна и мрачна, какъ безмолвная могила, усыпанная хвоями, прикрытая мхомъ, осѣненная сосною и сѣдымъ лишаемъ. Правда, эта земная могила тоже кишитъ жизнью, но въ ней нѣтъ того изумительнаго разнообразія, того напряженія жизни, той энергіи, которыя могутъ живить самые камни и пески. Напротивъ, въ тайгѣ Амура природа не поскупилась на свои дары; она дала ей много свѣта, много красокъ, жизни и красоты. Въ ней растутъ рядомъ сосна и виноградъ, кедръ и орѣшникъ, дубъ и ліана, дикая яблоня и могучая грабина; сотни цвѣтущихъ кустарниковъ и травъ благоухаютъ подъ таинственными сводами великановъ лѣса; его основа заткана пестрымъ ковромъ разнообразныхъ растеній; сѣть вьющихся ліанъ заполняетъ самые промежутки между стволами деревьевъ, стебельками кустовъ, тростниками поросли и пышными кружевами высоко поднимающихся травъ. Разнообразныя деревья поднимаются здѣсь на десятки саженъ, кусты образуютъ непроницаемыя стѣны, а травы скрываютъ не только оленя, но и всадника вмѣстѣ съ конемъ. Сѣть плющей, павилики и дикаго винограда, сплетающихся между собою и стволами деревьевъ, кусты, заполняющіе всѣ промежутки, остающіеся между листвою тѣхъ и другихъ, образуютъ такія непроходныя чащи, передъ которыми мѣстами безсиленъ самый топоръ; лишь огонь одинъ можетъ разрушить эту сплошную живую стѣну сплетшихся между собою растеній...

Разнообразію растительнаго міра амурской тайги соотвѣтствуетъ и разнообразіе ея четвероногихъ и пернатыхъ обитателей. Великолѣпный тигръ живетъ здѣсь рядомъ съ темно-бурымъ медвѣдемъ, барсъ—вмѣстѣ съ соболемъ, шакалъ—съ рысью, красивый олень—съ кабаномъ и косулей. Въ горныхъ трущобахъ Уссурійскаго края встрѣчаются рядомъ: глухой тетеревъ и золотистый фазанъ, птицы тайги и пернатые обитатели Американскаго материка; соловей, орѣховка, триперстка, такъ же какъ и огромный филинъ, — одинаково свойственны Пріамурской тайгѣ.

Всегда — и весною, и лѣтомъ, и поздней осенью, и зимою — красива и великолѣпна тайга, но лишь по веснамъ и осенью она является во всей своей пышной красотѣ. Знойнымъ лѣтомъ тонущая въ однообразномъ зеленомъ уборѣ, снѣгами и льдомъ окованная въ холодныя зимы, она убирается въ разноцвѣтныя одѣянія лишь дважды въ годъ. Расцвѣтая по веснамъ, она одѣвается въ пышные уборы цвѣтовъ, которые даетъ ей природа; увяданіе жизни, какъ плодъ ея великолѣпнаго расцвѣта, одѣваетъ по осени также въ пестрыя одежды. Однообразный лѣтній зеленый нарядъ расцвѣчивается тогда всѣми красками радуги; не цвѣты, а листья горятъ яркими самоцвѣтами, оттѣняя зеленые фоны тайги. Огненныя, красныя, желтыя, ярко-малиновыя, бѣлыя, розовыя пятна выступаютъ тогда на темной зелени лѣса и, расцвѣченный ими, онъ стоитъ горделиво, какъ огромный пышный цвѣтникъ. Красный листъ дикаго винограда вьется красивыми гирляндами по темнымъ стволамъ кедровъ и дубовъ; ярко-желтый рябинникъ и блѣдно-розовая осина робко тѣснятся подъ широкими лапами хвоевъ; пестрая таволга прячется

подъ ярко-зеленымъ орѣшникомъ, серебристая ива — подъ стройнымъ ильмомъ, еще не потерявшимъ лѣтняго убора. Среди пестрой зелени, какъ яркіе кораллы, искрятся грозды рябины, рдѣетъ темно-малиновая дикая вишня, блестятъ золотистыя яблоки и груши; словно дорогія бусы гранатовъ висятъ кисти винограда въ зеленой сѣти, сплетенной ліанами и плющемъ. Молодая поросль, тѣснящаяся между великанами лѣса, расцвѣтилась также всѣми красками радуги, но она уже потеряла свою густоту, и ея пестрая листва замѣтно оттѣняется темными стволами, ставшими тѣснымъ рядомъ, въ которомъ утопаютъ взоры. Огромные вѣковые кедры, сосны и дубы, готовясь къ долгому зимнему сну, уже одѣлись серебристымъ покровомъ мховъ и пышными гирляндами сѣдыхъ лишаевъ.

Великолѣпная снаружи тайга еще болѣе поражаетъ въ своей таинственной глубинѣ. Въ глухихъ нѣдрахъ этого лѣсного океана, какъ подъ сводами древняго величественнаго храма, царитъ вѣчная таинственная тишина. Подъ сѣнью вѣковыхъ великановъ, подъ защитою непроницаемыхъ стѣнъ заросли, за прочными баррикадами старыхъ пней и стволовъ, поваленныхъ деревъ, перевитыхъ виноградомъ и плющемъ, творятся незримо и беззвучно всѣ жизненные процессы тайги. Атмосфера тутъ пропитана дыханіемъ лѣса, испареніями почвы, своеобразнымъ ароматомъ тайги; запахъ хвои, перегнившей листвы, свѣжей зелени, благовоніе позднихъ цвѣтовъ и особый, свойственный лишь глухому лѣсу, недоступному прямымъ лучамъ солнца, одуряющій ароматъ—наполняютъ глубину тайги. Тутъ любятъ гнѣздиться лишь мхи, лишайники и грибы; избѣгая

солнца, они прячутся подъ сѣнь растеній, тянущихся къ свѣту и теплу...

„Приди сюда, подъ своды зеленаго лѣса, подъ тѣнь жизни, на праздникъ природы, всякій смертный, которому не улыбается жизнь. Оставь свои скорби и печали тамъ, за предѣлами этого зеленаго міра, не знающаго терзаній и заботъ, войди въ радости ликующей жизни, погрузись духомъ и тѣломъ въ лоно зеленаго лѣса и утопай въ немъ всецѣло, пока не почувствуешь своего полнаго обновленія. Я знаю, что не сразу ты отрѣшишься отъ своихъ печалей и заботъ, не скоро ты забудешь то, что омрачило твою жизнь, не сразу почувствуешь облегченіе, но не скорби, слабый смертный, не оскорбляй Вишну, хранителя и обновителя жизни. Рано или поздно придетъ и къ тебѣ обновленіе; духомъ и тѣломъ воспрянешь ты къ новой жизни, новыя юныя силы почуешь въ себѣ, ярко вспыхнетъ въ твоемъ сердцѣ снова любовь къ жизни, живительная струя пройдетъ по всему тѣлу, успокоится взволнованный умъ. Пусть ничто въ мірѣ не вѣчно, пусть исходъ всему — видимая смерть и небытіе, но помни, смертный, не для себя одного ты живешь... Частица міра и природы, атомъ жизни, дуновеніе великаго духа Магаатмы, не пропадешь ты безслѣдно въ безконечномъ пространствѣ міровъ; подобно тому, какъ частица свѣта, капля воды, дуновеніе воздуха, песчинка камня, атомъ всего существующаго въ мірѣ, ты пойдешь на новое твореніе Брамы, войдешь въ составъ новаго существа, въ дыханіе новой жизни. Взгляни на павшіе листья, на трупы животныхъ, на бренные останки самого человѣка: они не пропадаютъ безслѣдно. Послуживши вмѣстилищами жизни, они

служатъ почвою для возрожденія новой жизни въ другой формѣ, не похожей на прежнюю отжившую, опредѣленной волею великаго Вишну. Жизнь рождена для вѣчнаго существованія, сама смерть есть обновленіе жизни, подобной аватарамъ Вишну. Одна форма жизни посредствомъ видимой смерти претерпѣваетъ превращеніе въ новые образцы, новые виды. Великій богъ своимъ собственнымъ превращеніемъ даетъ намъ примѣры такой безпрестанной аватары (метаморфозы), которую по волѣ его претерпѣваетъ каждое дуновеніе жизни. Частица великаго духа Магаатмы влилась въ природу, оживила каждый атомъ и дала ей существованіе, движеніе и жизнь; она не можетъ никуда пропасть изъ міра, который весь проникнутъ и объемлется этимъ дыханіемъ духа... И небо, и земля, и воздухъ, и море,—все живетъ этимъ дуновеніемъ, которое, подобно вѣтру, порою движется сильнѣе, но никогда не перестаетъ существовать".

Такъ образно и поэтично говоритъ древняя философія браминовъ, и нельзя не согласиться съ глубокимъ пониманіемъ сущности жизни, этой тайны, оживляющей мірозданіе. Въ лѣсу, какъ и въ океанѣ, гдѣ напряженіе жизни достигаетъ самыхъ высшихъ степеней, дыханіе великаго духа Магаатмы проявилось всего полнѣе; оно скопилось тутъ, какъ въ великой сокровищницѣ, и сдѣлало ихъ великимъ очагомъ жизни, источниками, которые не могутъ изсякать. Пока цѣлы океаны и лѣса на землѣ, до тѣхъ поръ эта послѣдняя будетъ полна жизни во всемъ разнообразіи ея формы. Изсяканіе океановъ уже есть смерть для жизни на землѣ; но если исчезнутъ даже одни лѣса съ лица матери-земли, то пропадутъ цѣлыя тысячи наземныхъ

существъ, связанныхъ своимъ бытіемъ съ лѣсомъ, исчезнетъ великое разнообразіе растительнаго и животнаго міровъ, великое однообразіе формъ останется въ землѣ, само существованіе человѣка тогда подвержено будетъ сомнѣнію.

Полна поэтому глубокаго смысла идея цейлонскаго брамина, который, будучи проникнутъ благоговѣніемъ къ дремучимъ лѣсамъ своей родины, объятый священнымъ экстазомъ, порожденнымъ аскетическою жизнью въ зеленой чащѣ, призываетъ человѣка къ охраненію лѣсовъ: „Не оскорбляй матери-земли нечистымъ прикосновеніемъ къ ней, не оскверняй очистительнаго огня, возженнаго солнцемъ на землѣ, не оскорбляй священной тишины лѣсовъ, въ которыхъ хранится дуновеніе великаго духа жизни, Магаатмы. Оскорбляющій святость лѣса оскорбляетъ и землю и небо, оскорбляетъ мірохранителя Вишну и самого духа-творца и живителя вселенной. Глубоко вспахивай поля, еще глубже борозди воды, но оберегай чистоту огня и неприкосновенную чащу лѣсовъ. Борись со всякимъ зломъ и напастью, но не налагай дерзновенной руки на дерево, дитя солнца, земли, воды и дуновенія духа. Налагающій руку на кустъ дѣлаетъ преступленіе, поднимающій топоръ на дерево творитъ уже убійство“...

Тайга большею частью погружена въ мрачный, таинственный покой, и какіе-либо звуки рѣдко нарушаютъ ее торжественную тишину. Обитатели лѣса словно чувствуютъ благоговѣніе къ вѣковымъ чащамъ и боятся прервать ихъ священный покой.

Дикіе звѣри рѣдко испускаютъ звуки въ теченіе лѣта и дня; лишь въ короткія весеннія ночи слышится полный звѣриный концертъ лѣса; по осени онъ также

довольно разнообразенъ и богатъ; зимою же и лѣтомъ глухою ночью кричатъ лишь крупные звѣри: голодъ, страсти и неудачная охота вызываютъ ихъ чаще, чѣмъ другія потребности жизни. Зато весною въ этихъ крикахъ говоритъ голосъ любви, которой подчиняется все въ природѣ; подъ вліяніемъ этой царящей страсти испускаютъ звуки и крупный хищникъ, и мелкая четвероногая тварь. Пернатые обитатели лѣса и особенно пѣвцы тайги, умолкающіе осенью и зимою, предпочитаютъ также ясные дни весны и лѣта для того, чтобъ изливать въ звукахъ состояніе своей души.

Лучшія пѣсни лѣса слышатся раннею весною, когда крошечные пѣвцы чувствуютъ призывъ своего сердца и потребность любви. Въ страстныхъ пѣсняхъ они изливаютъ тогда свои страсти и тоску; они поютъ усердно при яркомъ сіяніи солнца, облитые его живящими лучами въ распускающейся зелени лѣсовъ. Лишь царь птичьей пѣсни, волшебный соловей, предпочитаетъ свѣтлыя ночи ранней весны для того, чтобы чаровать своими звуками лѣса; начинаетъ онъ свои дивныя пѣсни — и умолкаетъ другая пернатая тварь; на просторѣ и безъ помѣхи льется тогда соловьиная пѣснь; и природа, и человѣкъ, внимаютъ ей въ тишинѣ ароматныхъ весеннихъ ночей.

По веснамъ ночью слышатся и другіе звуки, исходящіе изъ груди пернатаго существа. Мрачные хищники ночи, разнообразные совы, неясыти и филины, предпочитаютъ также дневному свѣту таинственный полумракъ ночей. Стоны, хохотъ, плачъ и крики ихъ слышатся тогда повсюду въ тайгѣ, — и крестится, заслыша ихъ, неопытный путникъ, заночевавшій въ лѣсу. Не голосами птицы, а криками темныхъ ду-

ховъ лѣса кажутся ему эти странные, нерѣдко дѣйствительно ужасные звуки. Много опыта и привычки надо для того, чтобы хладнокровно внимать этимъ дикимъ крикамъ любви, и даже хорошо знающій ихъ охотникъ едва можетъ отрѣшиться отъ мрачнаго впечатлѣнія, невольно овладѣвающаго его душою при этихъ стонахъ, плачахъ и свистахъ; скорѣе можно привыкнуть къ жалобному вою волковъ, могильному плачу шакаловъ и реву медвѣдя, чѣмъ къ разнообразному крику совъ, который слышится во всей своей полнотѣ раннею весною въ тайгѣ; даже опытные охотники съ нервами крѣпкими, какъ желѣзо, не выносили этихъ ужасныхъ криковъ по ночамъ и бѣжали изъ тайги.

Къ началу осени умолкаютъ пѣвчія птицы; лѣса лишаются своей пѣсни; говоръ бури да крики дикихъ звѣрей одни оглашаютъ чащу. Чаще слышится тогда ревъ тигра, вой волковъ и хрюканье кабановъ; чаще трубятъ изюбри, плачутъ шакалы, брешутъ лисицы и реветъ буранъ; чаще слышатся отвратительные крики рыси. Въ отвѣтъ имъ въ мрачныхъ хвойныхъ лѣсахъ стонутъ неясыти и ухаютъ филины-пугачи. Жутко въ такія „звѣриныя“ ночи ночевать въ тайгѣ; хищный звѣрь начинаетъ голодать и искать крови, и тогда ревъ его кажется настоящимъ вызовомъ на кровавый бой. Запоздавшій охотникъ робко прячется тогда въ какомъ - нибудь лѣсномъ шалашѣ или ютится возлѣ яркаго костерка; подъ защитою спасительнаго огня онъ коротаетъ долгія темныя ночи, прислушиваясь съ замираніемъ сердца къ вою бури, стонамъ лѣса и реву дикихъ звѣрей. Вокругъ и около, возлѣ одиночнаго небольшаго костра, нерѣдко бродятъ голодный тигръ и медвѣдь; охотникъ часто слышитъ шелестъ ихъ ша-

говъ, чувствуетъ ихъ близкое присутствіе, но боится даже пошевельнуться около спасительнаго огня, передъ которымъ останавливаются и трепещутъ самые дикіе звѣри. Непроглядная темнота ночи, полная безпомощность и одиночество еще болѣе увеличиваютъ ужасъ положенія; рѣдкіе нервы выдерживаютъ напряженіе, невольно замираетъ сердце, и всякіе страхи закрадываются въ душу.

Дальше отсюда! Дальше къ берегамъ Уссури, къ морю, въ зеленыя степи!

Едва на востокѣ забрезжилъ свѣтъ, и невидимое еще намъ дневное свѣтило окрасило розовымъ свѣтомъ молочныя тучи, опоясавшія горизонтъ,—мы уже тронулись въ путь.

Бодрая тройка рванула, тарантасъ загромыхалъ, заколебался и, разбрасывая въ стороны грязь и облака брызгъ, покатился „по втулки“ въ мѣсивѣ.

— Ишь ты!—промолвилъ ямщикъ. — Ишь тѣсто какое...

Мы болѣе или менѣе сносно устроились въ сѣнѣ, тѣсно прижались другъ къ другу и крѣпко уснули.

Проснулись мы спустя часъ - полтора отъ чувствительнаго толчка на ухабѣ. Проснулись, оглянулись кругомъ и замерли отъ восхищенія.

Дождь пересталъ. Тройка брела вялой рысцой подъ звонъ колокольчика... Колокольчикъ замретъ на мгновенье, звякнетъ и опять заливается медленной трелью.

Солнце взошло и величественно-гордо катилось по синему небу, посылая на обильно орошенную землю золотыя стрѣлы теплыхъ лучей. Земля, стосковавшаяся по солнцу и свѣту, словно нѣжилась въ нихъ, наби-

ралась тепла и была вся окутана легкой дымкой отъ поднимавшихся изъ нея испареній.

Ландшафтъ оживился... Воздухъ сталъ ясенъ и чистъ. Со всѣхъ сторонъ въ немъ раздавались звонкія трели маленькихъ птичекъ, оживленно порхавшихъ взадъ и впередъ.

Мы ѣхали по самому краю высокаго берега моря, спускавшагося крутымъ и утесистымъ скатомъ къ водѣ. Каменистая горная дорога то взбиралась на самую вершину морского прибрежья, то словно обрывалась внезапно, падала внизъ и затѣмъ снова тянулась извилистой лентой по скату горы высоко, почти надъ головой, такъ что жутко становилось даже глядѣть на нее. Казалось, оступится лошадь, покатится камень изъ-подъ колеса,—и неизбѣжно паденье въ безконечный зіяющій подъ нами своей черной каменной пастью обрывъ. Взглянешь мелькомъ на него и чувствуешь, какъ голова начинаетъ кружиться и спираетъ дыханье.

Порой намъ почти преграждали дорогу частые стволы деревьевъ, протянувшихъ свои цѣпкія зеленыя вѣтви, словно стараясь схватить насъ.

Мы спустились въ ущелье, съ трудомъ поднялись въ гору и, подъ тихій шелестъ зеленыхъ деревьевъ, взобрались на одну изъ самыхъ высокихъ вершинъ, которыя находились до сихъ поръ на нашемъ пути.

Чудный видъ открылся нашему взору, когда мы здѣсь очутились.

Вокругъ насъ съ трехъ сторонъ разстилался безконечный просторъ зеленыхъ луговъ и первобытной тайги. По лазурному небу въ надменномъ спокойствіи плыли разбросанныя въ фантастическомъ безпорядкѣ блѣдныя тучи. Внизу дерзновенно бурлили буруны,

вздымая жемчужную пѣну, и съ тихимъ рокотомъ бились о каменный берегъ покрытыя бѣлой пѣной изумрудныя волны.

Можно замереть въ оцѣпенѣніи, уйдя въ созерцаніе окружающихъ красотъ, и оторваться нельзя отъ величественнаго ландшафта, который могъ бы дать кисти художника самый лучшій матеріалъ для картины.

Дальше — дорога уклонилась къ югу отъ берега моря. Холмы и вершины, ущелья и скаты остались у насъ позади, и мы по пологому каменистому склону углубились внутрь края.

Влѣво, по обширному склону хребта, тянулась зеленая пустынная степь, вся поросшая сочной высокой травой. Вправо находилась опушка дремучей тайги.

Человѣка нигдѣ не видать. Въ воздухѣ стоитъ почти могильная тишина, нарушаемая лишь перезвономъ почтоваго колокольчика, да изрѣдка пѣніемъ птицъ, скрывающихся въ высокой травѣ. Кой-когда перелетитъ намъ дорогу фазанъ или египетскій ибисъ, водящійся въ этихъ мѣстахъ; перелетитъ, скроется за опушкой тайги, и вновь все попрежнему тихо.

Необъятна тайга, покрытая мощнымъ зеленымъ покровомъ, но ея мягкія рыхлыя сырыя деревья, словно „пропаренныя“, какъ выражаются здѣсь, не веселятъ взора, какъ приглядишься къ нимъ ближе.

Снаружи посмотришь на дерево, — оно кажется мощнымъ титаномъ, который и отъ настоящаго шторма не дрогнетъ, а, между тѣмъ, стоитъ лишь подуть не особенно сильному вѣтру, и могучее съ виду дерево, словно подкошенное, валится на бокъ. Все это — слѣдствіе вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ. Въ періодъ наибольшаго развитія древесныхъ соковъ дерево

требуетъ солнца и свѣта, а, между тѣмъ, здѣсь, подъ вліяніемъ тумановъ, сковывающихъ непроницаемымъ покровомъ своимъ у прибрежья тайгу, испаренія чрезъ листья задерживаются, въ стволѣ остается излишекъ влаги, и дерево начинаетъ гнить на корню.

Оттого-то на прибрежьи Уссурійскаго края не растетъ почти лѣсъ, а если и растетъ, то корявый, дуплистый пустой и гнилой въ серединѣ.

По наружному виду дерева нельзя судить о его качествѣ и прочности: стóитъ вамъ сдѣлать небольшое усиліе, и вы убѣдитесь, что передъ вами не цвѣтущіе кедры съ плотнымъ стволомъ, а одна лишь кора вокругъ пустой сердцевины.

Поэтому-то путнику и приходится здѣсь такъ много встрѣчать гнилыхъ пней и полусгнившихъ и почернѣвшихъ стволовъ, когда онъ проѣзжаетъ по прибрежному лѣсу.

Къ счастью, невдалекѣ отъ морского прибрежья начинаются „Теплыя горы“ (Сихота-Алинь), охраняющія внутренность Южно-Уссурійскаго края отъ этого мертвящаго юго-восточнаго гостя. Зато и лѣсъ тамъ отличается чисто первобытною мощью и крѣпостью: что ни дубъ,—исполинъ, что ни кедръ,—тверже камня, что ни кленъ,—богатырь.

Перемѣнивъ на ближайшей станціи лошадей и закусивъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ, мы двинулись дальше уже исключительно травянистою степью. Тайга отошла отъ насъ въ сторону и исчезла, сливаясь въ дали съ лазоревымъ небомъ.

Близилось уже къ двѣнадцати часамъ дня, когда мы очутились въ привольной степи. Солнце снова невыносимо жгло, именно жгло, припекало почти съ тропи-

ческой силой: широта-таки взяла, наконецъ, свое, что и неудивительно, такъ какъ дѣло близилось къ осени, когда сѣверо-западные и юго-восточные вѣтры мѣсяца на два почти затихаютъ.

Лошади лѣниво плелись, мотая косматыми головами. Даже обыкновенно бодрый уссурійскій ямщикъ, истомленный жарою и зноемъ, повидимому, началъ дремать. Мы, пассажиры, однако, спать не могли, такъ какъ подъ сильно нагрѣтымъ парусиннымъ верхомъ кибитки было невыносимо душно и намъ не хватало воздуха для дыханія. То и дѣло высовывали мы головы изъ кибитки навстрѣчу движенію воздуха, но почти тотчасъ же должны были снова скрывать ихъ подъ верхъ отъ лучей неумолимо палящаго солнца, стоявшаго уже въ самомъ зенитѣ.

Мало-по-малу усталость и безсонная ночь взяли свое, я послѣдовалъ примѣру ямщика и рѣшился вздремнуть.

Не успѣлъ я окончательно уйти въ міръ сновидѣній и грезъ, какъ внезапно долженъ былъ встрепенуться отъ рѣзкихъ толчковъ тарантаса по каменистому грунту шоссе.

Ямщикъ, закрывъ лицо руками, безпрерывно дергалъ вожжами, изрѣдка энергично подбадривая свою тройку кнутомъ; но лошади, повидимому, не нуждались въ понуканіяхъ, такъ какъ онѣ несли во весь духъ, безпокойно мотая головой и хвостами.

— Что такое?—воскликнулъ я, не на шутку испугавшись.

„Ужъ не тигръ ли?“ мелькнуло у меня въ головѣ.

Но ямщикъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ и только ткнулъ рукой на своихъ лошадей и поспѣшилъ тотчасъ снова закрыть свое лицо.

То, что я тамъ увидѣлъ, заставило и меня поспѣшно зарыться съ головою въ влажное сѣно. Это было гораздо хуже тигра и даже уссурійскаго барса; отъ нихъ есть спасенье, а отъ этого кровожаднаго врага не убѣжать никуда, не укрыться нигдѣ въ чистомъ полѣ.

Это былъ „гнусъ“.

Цѣлыя тучи его кружились надъ бѣдной тройкой. Обагренная свѣжей кровью, бѣшено мотая хвостами, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, она мчалась во весь духъ, подгоняемая безпощаднымъ врагомъ.

Я съ ужасомъ ждалъ нападенія „гнуса“, этого бича уссурійскихъ лѣсовъ и степей, способнаго довести до отчаянія и человѣка, и звѣря.

Стóитъ ему облѣпить человѣка, и онъ способенъ до самоубійства дойти. Я еще находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго разсказа одного моего знакомаго о нападеніи на него „гнуса“ (т.-е. слѣпней, оводовъ, комаровъ и мошки) въ степи.

Онъ былъ уже приблизительно верстахъ въ пяти отъ своего становища, когда подвергся его нападенію. Гнусъ буквально облѣпилъ его лошадь и его самого. Онъ рвалъ на себѣ платье, давилъ ихъ цѣлыми сотнями, но тучи этихъ кровопійцъ не уменьшались. Всѣ его попытки ускорить бѣгъ своей лошади не повели ни къ чему.

Лошадь, какъ изступленная, поднималась на дыбы, вздрагивала всѣмъ своимъ тѣломъ, ржала отъ боли, наконецъ, какъ безумная, бросилась на землю, придавивъ своего всадника, и съ дикимъ ржаньемъ стала кататься по ней.

— Казалось, она рыдала, — говорилъ мнѣ знакомый.

Всадникъ почти лишился чувствъ отъ боли и бѣшенства. Все тѣло его въ какіе-нибудь полчаса превратилось въ сплошной волдырь, лицо, руки и шея распухли, глаза почти скрылись за вздутыми вѣками, а гнусъ все продолжалъ его жалить. И этотъ человѣкъ, который не разъ видалъ смерть передъ своими глазами, этотъ безстрашный, отважный мужчина, ходившій въ одиночку на тигра, стрѣлявшій, случалось, и въ барса, какъ ребенокъ заплакалъ отъ укусовъ ничтожнаго гнуса.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это приключеніе, если бы проѣзжавшіе мимо манзы не развели „дымокура“ *), разогнавшаго гнусъ, и изъязвленные, покрытые ранами и свѣжей кровью всадникъ и лошадь не перевели духа.

Гнусъ, не дающій покоя ни одному живому существу въ жаркіе дни уссурійскаго лѣта, является однимъ изъ серьезныхъ препятствій для развитія здѣсь скотоводства, такъ какъ въ теченіе почти цѣлаго лѣта, пока стоитъ жаркая погода, скота нельзя выпустить на пастбище и приходится держать его въ закрытыхъ хлѣвахъ, вокругъ которыхъ днемъ и ночью, противъ гнуса, нужно постоянно въ порядкѣ держать дымокуры.

Этотъ бичъ такъ невыносимъ для скота, что послѣдній обыкновенно за лѣто, когда, собственно, только и могъ бы набраться силъ, страшно худѣетъ и только къ осени, съ исчезновеніемъ гнуса, начинаетъ жирѣть и поправляться.

*) „Дымокуръ“—костеръ изъ хвороста; дымъ такого костра — лучшее средство противъ „гнуса“. Манзы устраиваютъ даже у себя на головахъ особое приспособленіе, въ которомъ постоянно тлѣетъ трутъ; дымъ отъ этого трута, да еще смоляная сѣтка, покрывающая лицо и шею,—существенныя средства защиты отъ гнуса.

До какой степени самозабвенія гнусъ можетъ доводить животныхъ, даже наиболѣе осторожныхъ, можно судить по слѣдующему замѣчательному случаю, сообщаемому г. Венюковымъ. „Я видѣлъ,—разсказываетъ онъ,—одну дикую козу, которая дозволила подойти къ себѣ стрѣлку не менѣе какъ на десять шаговъ, именно потому, что была въ совершенномъ безпамятствѣ отъ укусовъ гнуса“.

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія подъѣхали мы къ станціи, вокругъ которой тамъ и сямъ дымились костры для защиты отъ гнуса. Къ счастью, никто изъ насъ, кромѣ лошадей, не пострадалъ; ямщика только покусали немного.

Однако продолжать своего путешествія дальше мы уже не рѣшались. Рѣшили пересидѣть на станціи, пока скроется солнце. Правда, съ наступленіемъ ночи являются на смѣну слѣпнямъ и оводамъ комары и мошка, но укусы ихъ уже не такъ жестоки и мучительны.

Послушаемъ теперь, что говорятъ бывалые люди о встрѣчѣ съ дикими звѣрями.

Въ 1893 году, въ началѣ февраля, громадный тигръ, бродившій около с. Черниговки, бросился на толпу крестьянъ, которые были заняты въ кедровомъ лѣсу выдѣлкою шпалъ, схватилъ одного рабочаго и, несмотря на его сопротивленіе, уволокъ въ тайгу на глазахъ всѣхъ. Товарищи несчастнаго, опомнившись отъ неожиданности, пустились вдогонку за звѣремъ. Но послѣдній, бросивъ полусъѣденный трупъ рабочаго, скрылся въ чащѣ. Послѣ этого онъ недѣли двѣ наводилъ ужасъ на окрестности с. Черниговки своими нападеніями на рабочихъ. Отряженные за нимъ охотники долго не находили его; наконецъ, 19 февраля, узнавъ,

что тигръ отнялъ собаку у одного крестьянина, который шелъ изъ лѣсу въ село, они пустились по свѣжимъ слѣдамъ и скоро открыли звѣря въ густой и высокой, почти въ ростъ человѣка, травѣ. Увидѣвъ враговъ, тигръ, бросивъ остатки собаки, сталъ-было прыжками уходить отъ нихъ, да мѣткія пули охотниковъ догнали его. Видя, что ему не уйти, раненый звѣрь съ яростью бросился на охотниковъ, но пуля, пущенная прямо въ лобъ, свалила его... Радости охотниковъ не было конца. Звѣрь оказался громадной тигрицей, имѣвшей отъ начала морды до основанія хвоста три аршина, а съ хвостомъ—четыре аршина и пять вершковъ. За шкуру звѣря они получили 120 рублей, да 50 руб. преміи, итого 170 рублей, которые и были розданы въ награду этимъ храбрымъ людямъ, въ теченіе двухъ недѣль безъ устали караулившимъ звѣря.

15 февраля того же года, приблизительно въ полдень, въ 8 верстахъ отъ с. Спасскаго, нѣсколько манзъ тесали въ кедровомъ лѣсу камень для мостовъ Уссурійской желѣзной дороги. Одинъ изъ рабочихъ вышелъ изъ хижины, гдѣ онъ работалъ, и направился къ другой хижинѣ, отстоявшей на 50 шаговъ отъ первой. Вдругъ невдалекѣ на утесѣ показался тигръ, который, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, ударилъ манзу лапой и схватилъ его зубами за бокъ, однако, услышавъ крикъ другихъ манзъ, бросилъ свою жертву и скрылся за утесами. Но едва товарищи успѣли подобрать раненаго и унести въ хижину, какъ хищникъ появился снова. На этотъ разъ онъ прямо направился къ хижинѣ, нѣсколько разъ обошелъ ее кругомъ, но, не найдя входа, улегся передъ дверью. Около часу лежалъ онъ здѣсь. Наконецъ, ожиданіе наскучило ему, и онъ ушелъ. Но

скрывшіеся въ хижинѣ манзы были до того перепуганы, что не рѣшались выйти изъ своего убѣжища въ продолженіе 4 дней, пока за ними не прислали десятника. Между тѣмъ, вечеромъ того же 15 февраля, тигръ встрѣтилъ одного китайца, ѣхавшаго въ лѣсъ за бревнами. Звѣрь бросился на лошадь, которая стремглавъ полетѣла прямо въ село, и здѣсь былъ убитъ однимъ храбрымъ крестьяниномъ. Тигръ оказался самцомъ $2^1/_2$ арш. длины отъ начала морды до основанія хвоста.

Въ концѣ февраля на верховьяхъ рѣчки Раковки охотничья команда открыла свѣжіе слѣды звѣря. Въ тотъ же день охотники отправились преслѣдовать его и, зайдя далеко въ тайгу, должны были заночевать, разложивъ костеръ. Ночью одинъ изъ охотниковъ, захвативъ на всякій случай винтовку, пошелъ немного въ сторону, чтобы наломать сухихъ вѣтокъ для костра. Возвращаясь обратно, онъ вдругъ увидѣлъ громаднаго тигра, притаившагося шагахъ въ 10 отъ костра. Охотникъ, почти не цѣлясь за темнотою ночи, выстрѣлилъ. Раненый звѣрь вскочилъ и въ нѣсколько прыжковъ исчезъ между деревьями. Потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней охотники безуспѣшно выслѣживали этого тигра; наконецъ, случайно наткнувшись на полуразрушенную фанзу, (китайскую хижину), они вдругъ увидѣли передъ дверями ея преслѣдуемаго звѣря. Это было для нихъ такъ неожиданно, что они выстрѣлили всѣ разомъ. Нѣкоторыя пули попали удачно. Звѣрь со страшнымъ ревомъ повалился-было на землю, но скоро оправился и быстрыми скачками скрылся въ тайгѣ. Въ фанзѣ же, къ удивленію солдатиковъ, оказалось нѣсколько манзъ, которые уже три дня сидѣли здѣсь, запершись, изъ страха нападенія тигра. Но на слѣдующую же ночь

тигръ, несмотря на свои раны, явился опять къ фанзѣ и даже успѣлъ стащить бывшую у китайца собаку, а затѣмъ скрылся. Раздосадованные охотники рѣшили во чтобы то ни стало выслѣдить хищника. Тутъ наступили теплые дни. Снѣгъ сталъ быстро таять, и выслѣживаніе звѣря въ тайгѣ стало невозможнымъ. Такъ дѣло и бросили.

Гораздо удачнѣе была охота въ другомъ участкѣ, гдѣ работала команда каторжниковъ. Разъ въ концѣ того же февраля рано утромъ одинъ рабочій велъ лошадь къ колодцу, отстоявшему отъ казармы не далѣе 50 шаговъ. Вдругъ на него бросился тигръ, свалилъ съ ногъ и схватилъ за ногу. Крикъ подоспѣвшихъ людей заставилъ звѣря бросить свою жертву съ переломленной уже ногой. Прибывъ на мѣсто, охотники въ продолженіе нѣсколькихъ дней выслѣживали звѣря, который оказался изъ хитрыхъ: уходя отъ охотниковъ въ тайгу, онъ каждый разъ возвращался къ казармамъ, какъ только прекращали преслѣдованіе. Промучившись нѣсколько дней, охотники рѣшили, наконецъ, поймать звѣря на приманку. Съ этою цѣлью, на свѣжемъ слѣду звѣря, въ 2 верстахъ отъ казармы, они привязали къ дереву живую собаку и, насторожив 4 ружья, пошли обратно. Но не успѣли они отойти и 300 шаговъ, какъ услышали, что оставленная собака стала рваться и визжать; почти въ то же время раздались 4 выстрѣла, а послѣ нихъ сильный ревъ звѣря. Затѣмъ все стихло. Тѣмъ не менѣе безоружные охотники не рѣшались вернуться къ ружьямъ, а пошли въ казарму. На слѣдующій день, чуть свѣтъ, они съ новыми ружьями направились къ дереву. Собака оказалось цѣлою, ружья всѣ разряженными, а на сильно помятомъ снѣгу—боль-

шія пятна крови, которыя были видны и далѣе. Завидѣвъ враговъ, разъяренный тигръ съ бѣшенымъ ревомъ кинулся впередъ, но нѣсколько пуль уложили его на мѣстѣ. Онъ оказался старымъ самцомъ 3 аршинъ длины.

Съ этихъ поръ въ окрестностяхъ с. Спасскаго и Черниговки стало тихо, и манзы мало-по-малу стали возвращаться къ брошеннымъ ими работамъ. Однако ихъ ужасъ передъ тиграми былъ такъ великъ, что они потребовали, чтобы каждую группу рабочихъ сопровождалъ охотникъ...

Судя по убитымъ экземплярамъ, сибирскій тигръ представляетъ если не отдѣльный видъ, то во всякомъ случаѣ особую разновидность обыкновеннаго королевскаго тигра (Felis tigris). Главный отличительный признакъ его—густая длинная шерсть, окутывающая тѣло хищника и образующая на шеѣ какъ бы небольшую гриву. Эта шерсть служитъ тигру достаточною защитою противъ самыхъ сильныхъ холодовъ. Далѣе, хвостъ сибирскаго тигра значительно короче, но зато вдвое толще, чѣмъ у королевскаго тигра.

Раньше, можетъ-быть, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уссурійскій тигръ вселялъ всеобщій ужасъ. Дѣйствительно, робкій, плохо вооруженный туземецъ рѣдко отваживался вступать въ состязаніе съ „царемъ тайги", а чаще почтительно уступалъ ему дорогу. Лишь немвроды Уссурійскаго края, орочоны, маниры и, отчасти, гиляки, несмотря на свое примитивное оружіе, не боялись тигра и бивали его... Тигръ безраздѣльно царилъ тогда въ тайгѣ, и все трепетало передъ нимъ... Но вотъ явились русскіе,—и золотой вѣкъ полосатаго хищника кончился; предъ нимъ явился грозный врагъ, который не побоялся пойти противъ него въ самую

глубь тайги. Настала очередь хищнику отступать передъ смѣлостью человѣка: испытавъ на себѣ его стойкость и силу, онъ сталъ самъ убираться подальше въ тайгу или даже совсѣмъ покидать Уссурійскій край. Конечно, еще и теперь имя его окружено здѣсь ореоломъ ужаса и обаянія, но все-таки видно, что пѣсня его спѣта. Къ тому же тигръ вовсе не внушаетъ русскому населенію такого безотчетнаго страха, какъ можно было ожидать.

„Зная, какимъ страшнымъ престижемъ пользуется варварійскій левъ въ Алжиріи или бенгальскій тигръ въ Индостанѣ, гдѣ передъ ними трепещутъ всѣ, я былъ просто пораженъ“, говоритъ д-ръ Елисѣевъ, „тѣмъ непонятнымъ подчасъ равнодушіемъ, съ какимъ многіе, знакомые съ тигромъ по личному опыту, говорятъ о немъ, и тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ ходятъ на „царя тайги“ наши простые мужички. Какъ въ Алжиріи, такъ и въ Феццанѣ, и въ Южной Африкѣ, никогда туземецъ одинъ не выходитъ на борьбу съ могучимъ львомъ: для этого собираются цѣлыя общества, иногда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Еще съ бо́льшими предосторожностями собираются на тигровую охоту англичане въ Индіи... А русскій поселенецъ Уссурійскаго края, выходецъ какой-нибудь Черниговской или Полтавской губерніи, никогда и неслыхавшій на родинѣ о тигрѣ, въ одиночку или самъ-другъ съ маленькой собачкой-лайкой, съ нехитрымъ ружьемъ, идетъ въ самую тайгу, отыскиваетъ тигра въ самомъ логовищѣ и стрѣляетъ его, словно олень или козу.

— Только бы проявился тигра,—говорили мнѣ не разъ крестьяне,—и ужъ мы его не пропустимъ!!

И, глядя на эти бородатыя физіономіи, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно ничего геройскаго, какъ-то не вѣри-

лось, чтобы самый ужасный хищникъ на землѣ могъ встрѣтить опаснаго врага въ простомъ армякѣ. Между тѣмъ, это не шутка и не фарсъ; подъ мѣткою пулею лядащаго нашего поселенца тигръ падаетъ еще чаще, чѣмъ подъ выстрѣлами солдата или казака. При такой холодной рѣшимости русскаго мужика мнѣ невольно припоминается тотъ паническій страхъ, который нападаетъ на рослаго воинственнаго араба или кабила Алжиріи или на стройнаго индуса Бенгаліи, когда тотъ или другой изъ страшныхъ хищниковъ поселится вблизи ихъ деревень. Они трепещутъ тогда, заклинаютъ, молятся и въ ужасѣ ждутъ своего избавленія отъ „Божьяго грома и бича“, но сами рѣдко отваживаются на кажущуюся имъ непосильной борьбу. А у насъ даже бабы во многихъ мѣстахъ перестали обращать вниманіе на тигра: нерѣдко онѣ, ходя по лѣсу, наталкиваются на него, но это не мѣшаетъ отважнымъ женщинамъ продолжать поиски ягодъ и грибовъ“.

Но лѣтомъ вообще рѣдко можно видѣть тигра: находя себѣ достаточно пищи въ лѣсу, онъ прячется въ глухой чащѣ тайги. Зато съ первымъ снѣгомъ онъ приближается иногда къ самымъ поселеніямъ. Охотятся за нимъ изъ-за приносимаго вреда, да, кромѣ того, и сама шкура является цѣнною добычей: она на мѣстѣ стоитъ 40—80 рублей. Сверхъ того, нѣкоторые суевѣрные охотники часто ѣдятъ его мясо въ томъ убѣжденіи, что оно сообщаетъ человѣку храбрость и предохраняетъ отъ нападенія тигра. Рублей 30—40 выручается за желчь, покупаемую для чего-то китайцами, за кости, носимыя въ порошкѣ китайскими солдатами для храбрости, и когти. Въ общемъ выручается 150—200 рублей.

Другимъ хищникомъ Уссурійскаго края является барсъ, но, къ счастью, онъ имѣетъ гораздо меньшую область распространенія; въ противномъ случаѣ, онъ приносилъ бы еще больше вреда, чѣмъ тигръ, такъ какъ отъ него еще труднѣе спастись: барсъ отлично лазаетъ по деревьямъ. Барсы водятся, главнымъ образомъ, въ Уссурійской области.

Вмѣстѣ съ тигромъ и барсомъ, — этими южными хищниками,—въ Амурскомъ краѣ живетъ общій русскій знакомецъ—бурый медвѣдь. Когда-то, въ старину, эти косолапые добродушные звѣри цѣлыми стадами попадались путешественнику, особенно въ восточной части Амурскаго края, на побережьѣ Охотскаго моря. Но теперь, съ пріобрѣтеніемъ края русскими, число ихъ значительно уменьшилось, благодаря дѣятельному преслѣдованію со стороны человѣка. Впрочемъ, и раньше мѣстные инородцы, главнымъ образомъ—тунгусы, съ усердіемъ охотились на медвѣдя, но такъ какъ эта охота носила почти рыцарскій характеръ,—охотникъ выходилъ на звѣря одинъ на одинъ, вооруженный лишь „гырдой“ (рогатиной),—то раньше уменьшеніе звѣря было незамѣтно. Только впослѣдствіи, когда рогатину замѣнили магазинками, косматый звѣрь сталъ быстро исчезать.

Однако ожесточенное преслѣдованіе будто бы не озлобило „лѣстного богатыря“: попрежнему онъ остался добродушнымъ, кроткимъ животнымъ, которое никогда не нападаетъ первымъ па человѣка. Такой характеръ амурскаго медвѣдя нужно объяснить тѣмъ, что въ привольной тайгѣ онъ въ изобиліи встрѣчаетъ растительную пищу и рѣдко-рѣдко прибѣгаетъ къ охотѣ на

козуль и другихъ животныхъ. Круглую весну и лѣто*) нашъ косматый богатырь проводитъ, бродя по тайгѣ, питаясь лѣсными ягодами, виноградомъ, кореньями, а иногда и лакомясь медомъ. До послѣдняго онъ особенно лакомъ: часто прислушиваясь въ лѣсу, не жужжатъ ли въ дуплѣ пчелы, онъ принимаетъ звукъ телеграфной проволоки за жужжаніе пчелъ, взбирается на телеграфныя столбы и здѣсь, разочаровавшись въ своей надеждѣ, съ досады обрываетъ проволоку...

Кромѣ бураго медвѣдя, на Амурѣ попадается еще тибетскій (Ursus tibetanus), меньше обыкновеннаго и смирнѣе.

Изъ менѣе крупныхъ, хотя также хищныхъ звѣрей, въ Амурскомъ краѣ въ изобиліи водится соболь (Mustela zibelina), котораго нужно поставить во главѣ пушныхъ звѣрей Пріамурья, по высокой цѣнности изящной, хотя и небольшой шкурки. Въ верховьяхъ Амура и Забайкальской области находится родина однихъ изъ самыхъ дорогихъ соболей, густого, почти чернаго цвѣта, мѣхъ которыхъ на мѣстѣ стоитъ десятки рублей. Къ сожалѣнію, эта драгоцѣнная порода, вслѣдствіе усиленнаго преслѣдованія со стороны человѣка, почти уже совершенно исчезла,—и рѣдко-рѣдко, въ теченіе зимняго сезона, охотнику удастся добыть одного-двухъ соболей. Чаще встрѣчается соболь въ восточныхъ частяхъ Амурскаго края—по Уссури и побережью Охотскаго моря, но тамъ мѣхъ его гораздо короче и свѣтлѣе, что значительно понижаетъ его цѣну... Этотъ маленькій цѣнный звѣрекъ живетъ въ гористой мѣстности, поросшей хвойнымъ лѣсомъ, гдѣ у него есть излюбленныя, „соболиныя“

*) Осень и зиму, съ конца октября до средины марта, т.-е. до перваго теплаго весенняго дня, медвѣдь проводитъ въ спячкѣ.

тропы, на которыхъ охотники и подкарауливаютъ его. Добыча охоты свозится перекупщиками-китайцами въ Хабаровскъ, гдѣ продается отъ 6 до 25 серебряныхъ рублей за шкурку, хотя сами китайцы пріобрѣтаютъ ихъ у охотниковъ туземцевъ за 1—2 руб.

Кромѣ тигра, нерѣдкость встрѣтить здѣсь: барсука, росомаху, волка, а изъ болѣе цѣнныхъ пушныхъ звѣрей—куницу, горностая...

Но Амурскій край былъ богатъ и богатъ точно такъ же и теперь не однимъ только пушнымъ звѣремъ.

„Кто повѣритъ", говоритъ путешественникъ Алябьевъ объ Уссури, „что бо́льшую часть дня, пока пароходъ плыветъ по рѣкѣ, только и слышатся удары рыбы о дно, и на поверхности воды только и виднѣются выскакивающія вверхъ рыбы? Можно ли повѣрить тому, что бывали случаи, когда рыбы чрезъ иллюминаторы проскакивали прямо на пароходъ? А, между тѣмъ, это такъ. Гдѣ можно, кромѣ Уссури, однимъ неводомъ вытащить болѣе двухъ тысячъ пудовъ рыбы и захватить ихъ разомъ нѣсколько тысячъ штукъ?"

Порою, именно, во время движенія вверхъ по рѣкѣ „проходныхъ" рыбъ, рѣка такъ и кишитъ ими: устье рѣки запружается ими, а берегъ рѣки иногда на нѣсколько верстъ бываетъ покрытъ сплошными холмами выброшенной волнами рыбьей икры! Нечего и говорить, что тогда не сто́итъ и употреблять неводовъ: рыбу можно ловить прямо руками, а сколько ея гибнетъ выброшенной на берегу! Иногда на десятки верстъ ваше обоняніе поражается невыносимымъ зловоніемъ: то гніютъ груды рыбьихъ тѣлъ, выброшенныхъ на берегъ.

Такое раздолье рыбы во всякомъ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, конечно, могло бы составить

неисчерпаемый на долгое время источникъ богатства для мѣстныхъ жителей. Но амурскій рыбный промыселъ въ настоящее время ограничивается только предѣлами мѣстной потребности; тѣмъ не менѣе, онъ все же занимаетъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ промысловъ жителей низовій Амура и его главныхъ притоковъ.

Кэта въ значительныхъ массахъ доходитъ только до устья Сунгари, заходя во всѣ озера и рѣчки; далѣе она поднимается, повидимому, не очень охотно, хотя и доходитъ до Аргуни и даже Онона.

Ходъ кэты совершается три раза въ теченіе лѣта. Въ устьяхъ впадающихъ сюда рѣчекъ (Ма, Хидэ и др.) кэта толпится уже въ началѣ іюня, вскорѣ послѣ чего начинается и первый ея валовой ходъ, который продолжается около двухъ недѣль; но далеко вверхъ по рѣкѣ рыба на этотъ разъ не идетъ, предпочитая держаться преимущественно въ низовьяхъ сказанныхъ рѣчекъ. Дней черезъ десять начинается второй ея ходъ, который продолжается до августа. Въ это время кэта появляется въ большомъ количествѣ, причемъ обнаруживаетъ и большее влеченіе къ прѣсной водѣ, иными словами—поднимается выше по рѣчкамъ. И этотъ ходъ прекращается недѣли на двѣ, послѣ чего, во второй уже половинѣ августа, кэта начинаетъ свой настоящій ходъ, въ несмѣтныхъ количествахъ входя въ рѣки и поднимаясь по нимъ настолько, насколько только можетъ, не страшась при этомъ ни искусственныхъ, ни естественныхъ преградъ. Она лѣзетъ въ это время напроломъ, готовая на все, лишь бы только идти вверхъ по рѣкѣ. Первый ходъ кэты — самый малорыбный, зато третій уступаетъ первому въ достоинствѣ рыбы. Во

время перваго хода кэта свѣжа, бодра, посолъ ея даетъ прекрасные результаты какъ относительно вкуса, такъ и прочности при храненіи. И замѣчательное дѣло—тогда какъ кэта перваго хода можетъ сохраняться на воздухѣ безъ порчи цѣлыя сутки, кэта второго хода начинаетъ уже портиться по прошествіи 12 часовъ, а третьяго хода — и того менѣе; къ тому же мясо ея дѣлается дряблымъ и, конечно, сравнительно даже невкуснымъ.

Во время перваго появленія кэты, цвѣтъ чешуи ея серебристо-бѣлый, жабры красныя, челюсти прямыя, зубы едва замѣтны, мясо розово-краснаго цвѣта. Во время второго хода серебристо-бѣлый цвѣтъ становится болѣе блеклымъ, жабры темнѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ близъ плавниковъ появляются темныя пятна неопредѣленной формы, верхняя челюсть вытягивается внизъ, зубы выростаютъ и нѣсколько загибаются къ полости рта, мясо становится краснымъ. Во время же третьяго хода кэты, въ ней на первый взглядъ трудно признать іюньскую кэту. Цвѣтъ чешуи становится темнымъ, пятна отъ плавниковъ распространяются по бокамъ и становятся почти черными, благодаря чему и вся рыба кажется грязно-пѣгою, жабры еще сильнѣе темнѣютъ, челюсти искривляются, а зубы становятся большими, крючкообразными, „какъ у порядочной собаки, почему она и получила названіе зубатки".

Кэта перваго хода по величинѣ превосходитъ кэту второго хода, а эта послѣдняя—кэту третьяго хода. По мнѣнію орочей, въ іюнѣ идетъ старая кэта, въ іюлѣ—молодь, а въ августѣ—самая молодая, которая мечетъ икру въ первый разъ.

А вотъ еще нѣсколько словъ о другой рыбѣ—„горбушѣ".

Горбуша поднимается по Амуру въ теченіе первой половины лѣта. Около Николаевска самый сильный ходъ горбуши бываетъ 8—15 іюня, иногда въ іюлѣ. Нѣкоторые наблюдатели, какъ Маргаритовъ, указываютъ, что ходовъ горбуши также бываетъ три, изъ которыхъ каждый предшествуетъ соотвѣтствующему ходу кэты, то-есть первый ходъ горбуши предшествуетъ первому ходу кэту и т. д., такъ что ходъ кэты и горбуши, смѣняя другъ друга, продолжается въ теченіе всего лѣта.

При этомъ интересно, что появленіе кэты и горбуши въ Амурѣ не всякій годъ одинаково, и за общее правило принято считать, что если горбуши идетъ много, то кэты будетъ мало, и обратно. Напримѣръ, въ 1858 г. горбуша явилась въ рѣкѣ въ большомъ количествѣ, а уловъ кэты былъ незначительнымъ, въ слѣдующемъ же году, наоборотъ, кэта появилась во множествѣ, а горбуши не было вовсе. Это подтверждается и наблюденіями орочей, по которымъ обиліе горбуши предвѣщаетъ недостатокъ въ кэтѣ и наоборотъ.

Горбуша не только поднимается по Амуру, но входитъ въ самыя мелководныя рѣчки и въ большомъ количествѣ добирается до самыхъ вершинъ рѣчекъ, гдѣ онѣ обращаются уже въ маленькіе ручьи. Здѣсь рыба эта доставляетъ обильную пищу не только людямъ, могущимъ, въ виду ея изобилія, добывать ее одною только заостренною палкой, но и медвѣдямъ, мастерски выбрасывающимъ ее на берегъ лапою.

Во время хода горбуша измѣняется еще болѣе рѣзко, чѣмъ кэта, и это измѣненіе выражается наиболѣе во время послѣдняго хода. Не говоря уже объ

измѣненіи наружныхъ покрововъ и ротовыхъ частей, у горбуши къ третьему ходу образуется на спинѣ горбъ, который, начинаясь около затылка, поднимается вверхъ почти подъ прямымъ угломъ приблизительно на дюймъ и постепенно спускается къ хвосту. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ падаетъ и достоинство мяса горбуши, которое постоянно темнѣетъ и становится дряблымъ. Выше ущелья Буренскихъ горъ горбуша подымается рѣдко.

Горбуша и кэта идутъ изъ моря въ рѣки для того, чтобы здѣсь выметать икру. Въ связи съ этимъ процессомъ находятся и наружныя измѣненія рыбъ и ихъ стремленія къ самымъ быстрымъ и мелкимъ мѣстамъ рѣкъ, до того неудержимыя, что онѣ часто выскакиваютъ на каменистыя отмели, по которымъ, сгоряча, и проскакиваютъ по нѣсколько саженъ. Въ то же время рыбы, какъ извѣстно, ничего не ѣдятъ, дѣлаются болѣе тощими и въ концѣ-концовъ погибаютъ. Во время хода этихъ рыбъ тамъ и сямъ по берегамъ рѣкъ въ большихъ массахъ валяется мертвая рыба, и по мелкимъ мѣстамъ и затонамъ легко наблюдать ее въ различныхъ стадіяхъ истощенія и близкой уже къ гибели, такъ что обратнаго хода рыбы, то-есть, внизъ по теченію, здѣсь не бываетъ. Это явленіе хода рыбы въ рѣки для икрометанія и гибели здѣсь Миддендорфъ назвалъ „кочеваніемъ до смерти“.

Уссурійскій край въ отношеніи своихъ ископаемыхъ богатствъ еще совсѣмъ не изслѣдованъ; всѣ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи добыты совершенно случайно. Изъ извѣстныхъ ископаемыхъ богатствъ края надо указать на золото и на каменный уголь.

Но и эти свѣдѣнія очень и очень сбивчивы, напри-

мѣръ, о золотѣ; такъ, одни говорятъ, что такая-то часть края богата золотыми розсыпями, а другіе утверждаютъ, что тамъ о золотѣ никто никогда и не слыхалъ; достовѣрно установлено только, что золотыя розсыпи есть въ южной части Уссурійскаго края, на островѣ Аскольдѣ. Но даже и объ этихъ розсыпяхъ нельзя сказать, богаты ли онѣ и стоятъ ли серьезной разработки — настолько плохо еще поставлено здѣсь дѣло изслѣдованія.

Свѣдѣнія разнообразны и о другомъ минеральномъ богатствѣ Уссурійскаго края — о каменномъ углѣ. Каменный уголь дѣйствительно есть въ этой мѣстности, такъ какъ въ этомъ легко убѣдиться при самомъ поверхностномъ обзорѣ края: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ лежитъ чуть ли не на поверхности земли. Но много ли этого угля и хорошаго ли онъ качества, — тоже никто не знаетъ. Мѣстные знатоки все-таки говорятъ, что тамошній каменный уголь прекраснаго свойства и притомъ находится въ такомъ изобиліи, что его хватитъ не только для удовлетворенія всѣхъ нашихъ нуждъ сибирскаго флота, но еще останется большое количество его для вывоза въ китайскіе и японскіе города.

III.

Населеніе Уссурійскаго края самое смѣшанное; преобладаютъ, понятно, русскіе выходцы изъ Европейской Россіи и Сибири, военные, отставные солдаты, торговцы, крестьяне-переселенцы. Но между ними много китайцевъ и мѣстныхъ инородческихъ племенъ.

Крестьяне собрались сюда изо всѣхъ мѣстностей

Россіи и, побродивъ вдоль и поперекъ по странѣ, нашли себѣ удобныя мѣста и усѣлись осѣдло, а такъ какъ земля здѣсь, особенно въ южной части края, вполнѣ пригодна для хлѣбопашества, то они и занялись здѣсь тѣмъ же дѣломъ, какимъ занимались ихъ дѣды и прадѣды и какимъ занимались и сами они въ „матушкѣ-Рассеи“,—земледѣліемъ.

Крестьяне живутъ здѣсь довольно-таки хорошо, недостатка ни въ чемъ не терпятъ и, кромѣ земледѣлія, занимаются еще и рыболовствомъ, благо рыбы въ рѣкахъ непочатый край. А въ обширныхъ степяхъ возможно большое скотоводство.

Надо замѣтить, что воздѣлывается очень малое количество земли, именно только болѣе высокія мѣста рѣчныхъ долинъ. Почва здѣсь не глубока, а такъ какъ пришлые крестьяне и не думаютъ удобрять ее, то черезъ короткій промежутокъ времени бросаютъ обрабатываемый участокъ и раздѣлываютъ новый.

Воздѣлываютъ здѣсь крестьяне ярицу, яровую пшеницу, овесъ, гречиху, просо, отчасти ячмень, ленъ, коноплю, бахчевыя и огородныя растенія, картофель.

Но обрабатывается земля самымъ первобытнымъ способомъ. Мѣстный крестьянинъ или казакъ стараются обработать какъ можно бо̀льшую площадь земли, не заботясь о тщательности работы, объ уходѣ за растеніями во время произрастанія, поэтому русскія нивы отличаются засоренностью, какъ говорится, „колосъ отъ колоса—не слышно бабьяго голоса“.

Совсѣмъ не то у живущихъ здѣсь же, съ русскими поселенцами, китайцевъ и корейцевъ. Они пользуются всѣми выгодными свойствами края, тщательно обрабатываютъ почву, а почему и получаютъ лучшіе доходы

съ полей. И по наружному виду китайскія и корейскія поля рѣзко отличаются отъ русскихъ: они болѣе похожи на хорошо содержимый огородъ, чѣмъ на пашню. Обыкновенно всѣ поля перекапываются грядками, наподобіе огородовъ; ни въ одной бороздѣ не найдешь здѣсь ни малѣйшей сорной травки, которая тщательно удаляется отсюда. Но зато и результаты обработки получаются совсѣмъ другіе: въ то время, какъ русскій поселенецъ съ десятины снимаетъ тридцать пудовъ, китаецъ или кореецъ съ десятины же снимаетъ сто, полтораста, а при урожаѣ и всѣ двѣсти пудовъ.

Кромѣ пришлаго населенія изъ Россіи, какъ уже было говорено, въ Уссурійскомъ краѣ живутъ китайцы, корейцы, орочоны, гольды, дауры и другія инородческія племена. Китайцы именуютъ себя здѣсь *манзами*. Китайцы убѣгали изъ родной земли въ Уссурійскій край отъ разныхъ притѣсненій, преслѣдованій, но также привлекло ихъ сюда и золото, и соболь, и растеніе жень-шень, очень дорогое и очень употребительное въ Китаѣ лѣкарственное средство. Китайцы здѣсь двухъ родовъ: или постоянные, осѣдлые, занимающіеся земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, или бродячіе, являющіеся сюда для торговли, охоты, ловли морской капусты, которая отправляется въ Китай, гдѣ употребляется, какъ предметъ лакомства, для тайной добычи золота.

Живутъ китайцы въ фанзахъ, деревянныхъ избахъ, у которыхъ окна заклеены промасленной бумагой; отапливаются такія фанзы снаружи, причемъ труба изъ печки входитъ въ фанзу и прокладывается вдоль всѣхъ стѣнъ, а затѣмъ снова выходитъ наружу; внутри фанзы, вдоль стѣнъ, надъ трубою устроены низкія нары, на кото-

рыхъ китайцы и спятъ, подостлавъ подъ себя соломенныя рогожи, называемыя циновками. По трубамъ проходитъ дымъ и нагрѣваетъ нары. Кромѣ наружной печки, и въ фанзѣ устраивается посрединѣ очагъ, гдѣ постоянно лежатъ горячіе уголья, гдѣ приготовляются кушанья. Отъ этого очага въ фанзѣ зимою всегда виситъ густой дымъ.

Другіе пришельцы въ Уссурійскомъ краѣ, это—корейцы, явившіеся сюда изъ сосѣдней Кореи изъ-за бѣдности на родинѣ, а частью изъ-за разныхъ притѣсненій. Образъ жизни и устройство жилищъ у корейцевъ очень похожи на китайскіе, только корейцы отличаются отъ китайцевъ большей опрятностью и хорошими нравственными качествами. Лица у нихъ пріятныя; бородъ они не бреютъ и носятъ волосы. Нѣкоторые изъ переселившихся въ Уссурійскій край корейцевъ уже приняли христіанскую вѣру; а остальные придерживаются буддійской религіи.

Занимаются корейцы преимущественно земледѣліемъ, воздѣлывая ячмень, просо, бобы, картофель, кукурузу.

Китайцы и корейцы въ Уссурійскомъ краѣ—народъ пришлый, но здѣсь есть и чисто мѣстные инородцы и даже довольно разноплеменные; самые многочисленные, это орочоны или орочи, являющіеся вѣтвью тунгузскаго племени. Вотъ это — коренные жители Уссурійскаго края, и, говорятъ, когда-то у нихъ, у орочонъ, здѣсь была хорошо устроенная жизнь.

Тогда орочонъ было много; они охотились, вели бродячую жизнь. Но потомъ города ихъ обезлюдили и превратились въ развалины, слѣды которыхъ и сейчасъ еще виднѣются кое-гдѣ въ Уссурійскомъ краѣ.

Нѣкоторые изъ орочонъ бросили кочевой образъ жизни и занялись земледѣліемъ.

Теперь орочоны очень похожи на своихъ сосѣдей, китайцевъ, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что не бреютъ передней половины головы и заплетаютъ волосы не въ одну, а въ двѣ косы. Осѣдлые орочоны живутъ въ фанзахъ, носятъ китайское платье, занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, скотоводствомъ, а зимою звѣроловствомъ. Хотя наибольшая часть осѣдлыхъ орочонъ и до сихъ поръ не пріучилась къ земледѣлію, а лѣтомъ занимается рыболовствомъ. Эти орочоны ведутъ полубродячій образъ жизни. Два раза въ годъ они перекочевываютъ: лѣтомъ на берега рѣкъ, гдѣ есть рыба, а зимою возвращаются въ свои фанзы. Оставивъ здѣсь своихъ женъ и дѣтей, снабдивъ ихъ достаточнымъ запасомъ вяленой рыбы, всѣ взрослые мужчины на зиму уходятъ въ горы для охоты за пушными звѣрями. Идутъ за пушниной и остальные осѣдлые орочоны, такъ какъ только на мѣха они могутъ вымѣнять у китайцевъ табакъ, водку, порохъ, свинецъ, одежду и пр.

Вся зимняя добыча орочонъ, такимъ образомъ, переходитъ въ руки манзъ. Манзы страшно обманываютъ дикихъ инородцевъ, и орочоны всегда находятся въ неоплатныхъ долгахъ у китайцевъ, вполнѣ вѣря ихъ добросовѣстности.

Бродячіе орочоны, вслѣдствіе своего низкаго умственнаго развитія, находятся еще въ большей зависимости отъ китайцевъ, чѣмъ осѣдлые. Какъ всѣ вообще дикари, орочоны страшно привязаны къ водкѣ и табаку. За водку они готовы отдать положительно все,—имущество, жену, дѣтей. Только водка и заставляетъ ихъ заниматься охотой на пушныхъ звѣрей.

Бродячіе орочоны живутъ въ юртахъ, шалашахъ, причемъ лѣтнія юрты устраиваются въ видѣ конуса изъ жердей, покрытыхъ древесной корой. Верхушка юрты совсѣмъ не закрыта, чтобы дать свободный выходъ для дыма отъ раскладываемаго посрединѣ юрты огня.

Зимнія юрты орочонъ бываютъ четырехугольный формы съ немного закругленными углами.

Орочоны свои юрты переносятъ съ мѣста на мѣсто и перекочевываютъ со своими семьями. Переходы эти вызываются обиліемъ или недостаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣря, составляющихъ пищу орочонъ.

Живя въ душныхъ, дымныхъ юртахъ, бродячіе орочоны ничуть не ищутъ общенія съ другими и по своимъ умственнымъ стремленіямъ спускаются до степени звѣря. Они думаютъ исключительно о снѣ и ѣдѣ. Орочонъ, убивъ крупнаго звѣря, перекочевываетъ къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ юрты до тѣхъ поръ, пока есть у него хоть маленькій запасъ пищи. Пища вышла вся—орочонъ снова отправляется на охоту, а семьѣ его, въ его отсутствіе, частенько приходится сильно голодать, питаясь только юколой, вяленой рыбой, заготовляемой обыкновенно на всю зиму. Но зато какъ же всѣ радуются, когда орочонъ придетъ и сообщитъ, что убилъ какого-нибудь крупнаго звѣря; всѣ поспѣшно собираютъ все свое имущество и спѣшатъ ко вкусной добычѣ.

Убитые кабанъ или олень раздѣлываются общими силами; каждый спѣшитъ выбрать себѣ кусокъ получше да пожирнѣе и тотчасъ же поджариваетъ его на угольяхъ. Полусырое мясо уничтожается въ громадномъ количествѣ; ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока не устанутъ.

Орочонъ отправляется на охоту, а жена его остается дома, но дѣлать она ничего не дѣлаетъ. Развѣ, въ крайнемъ случаѣ, возьмется за какую-нибудь домашнюю работу: сошьетъ изъ звѣринныхъ шкуръ рубаху, сдѣлаетъ изъ бересты какую-нибудь домашнюю утварь. Вотъ и вся ея забота о семьѣ. Дѣти растутъ безъ присмотра и ухода, въ страшной грязи.

Бродячіе орочоны придерживаются исключительно шаманства. Шаманства придерживаются вообще всѣ инородцы Сибири и Уссурійскаго края, между прочимъ.

По общему вѣрованію племенъ, населяющихъ Сибирь, существуютъ два начала: доброе и злое. Доброе сильнѣе злого, но борьба, хотя и подавленная, всегда ведется между ними, и жертвой этой борьбы зачастую становится человѣкъ. Подавленный грозными явленіями природы, живя подъ неограниченною властью естественныхъ условій и слѣпого случая, сибирскій инородецъ чувствуетъ себя настолько ничтожнымъ, что даже не смѣетъ самъ молиться своимъ богамъ.

Тѣснимый отовсюду божествами коварными, онъ постоянно находится въ страхѣ и всячески старается снискать ихъ расположеніе, умилостивить грозныя стихіи, предугадать будущее.

Чтобы помѣшать дѣйствію злыхъ духовъ, онъ прибѣгаетъ къ помощи врача—шамана (по-туземному камъ).

Шаманъ или камъ при помощи заклинаній выгоняетъ злыхъ духовъ и помогаетъ выздоровленію больного; это—посредникъ въ сношеніяхъ слабаго человѣка съ міромъ духовъ.

Шаманъ во время своихъ дѣйствій долженъ наружными знаками въ большей или меньшей степени отличаться отъ остальныхъ людей.

Самыми важными принадлежностями камскаго или шаманскаго званія являются бубенъ съ колотушкой и различныя части шаманской одежды.

Бубенъ встрѣчается почти у всехъ племенъ Сибири, имѣющихъ шамановъ; кромѣ силы вызывать духовъ, онъ имѣетъ чудесную силу носить шамана по воздуху.

Бубенъ состоитъ изъ обода, обтянутаго съ одной стороны кожей; въ полости бубна укрѣплены двѣ поперечины—вертикальная деревянная и горизонтальная желѣзная.

Но не всѣ шаманы удостаиваются великой чести достать бубенъ; часто въ теченіе долгаго времени духи не даютъ имъ дозволенія сдѣлать себѣ это маленькое орудіе.

Шаманы одѣваются особеннымъ образомъ только при служеніи духамъ; въ обыкновенной жизни они отъ своихъ единоплеменниковъ не отличаются никакими наружными признаками.

Принадлежности шаманскаго одѣянія являются общими для всѣхъ сибирскихъ инородцевъ; ихъ составляютъ: 1) Верхній кафтанъ или плащъ; у однихъ онъ шьется изъ сукна, у другихъ—изъ звѣриныхъ шкуръ и увѣшивается разными побрякушками, кольцами, изображеніями миѳическихъ животныхъ; 2) Личина (маска); у самоѣдскихъ шамановъ ее замѣняетъ платокъ, которымъ закрываютъ глаза, чтобы заклинатель могъ проникнуть въ міръ духовъ своимъ внутреннимъ зрѣніемъ; 3) Мѣдная или желѣзная бляха на груди; 4) Шапка, одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей шамана.

Плащъ шамана состоитъ изъ шкуры дикаго козла

или оленя; наружная сторона почти вся увѣшана множествомъ жгутовъ различной величины, которые представляютъ собою змѣй; они обшиты разноцвѣтными матеріями, иногда парчей.

Нѣкоторые жгуты пришиты къ плащу не самымъ концомъ, а такъ, что верхній конецъ жгута остается свободнымъ и напоминаетъ голову змѣи.

На немъ часто вышиваютъ кружки въ видѣ глазъ. У толстыхъ жгутовъ этотъ конецъ дѣлается расщепленнымъ, такъ что змѣя выходитъ съ разинутой пастью.

Концы большихъ змѣй раздваиваются, и на каждомъ концѣ виситъ кисть; иногда пара змѣй имѣетъ одну общую голову. Кромѣ жгутовъ, на плащѣ нашиты пучками, по девяти въ каждомъ, узкіе ремни изъ оленьей кожи и прикрѣплено много символическихъ знаковъ и погремушекъ.

Часто встрѣчаются стременообразныя треугольники изъ желѣза, на одно изъ колѣнъ котораго вздѣты желѣзныя привѣски, лучокъ съ наложенной стрѣлкой для отпугиванія отъ шамана злыхъ духовъ.

На спинѣ нашиваются двѣ круглыя мѣдныя бляхи; иногда двѣ другія нашиваются и на груди.

Шкуры звѣрьковъ горностаевъ, бурундуковъ и летягъ также пришиваются вмѣстѣ съ ремешками.

Воротникъ обшитъ бахромой изъ филиновыхъ или совиныхъ перьевъ.

У нѣкоторыхъ шамановъ мелкія фигуры не покрываютъ плаща отъ воротника до пояса и на одеждѣ нашивается лоскутъ матеріи особаго цвѣта, напримѣръ, краснаго, къ которому прикрѣплены круглыя мѣдныя бляхи, а часто русскіе колокольцы.

Шапка шамана представляетъ квадратную или четы-

рехугольную пластину изъ шкуры молодого оленя; лицевая сторона ея покрыта яркой матеріей или сукномъ.

У нихъ верхній край бываетъ украшенъ перьями беркута или филина, расположенными пучками; къ нижнему краю прикрѣплена бахрома изъ раковинъ кадри, подвѣшанныхъ на шкурахъ.

У нѣкоторыхъ шамановъ шапка дѣлается изъ шкуры филина: крылья не отрѣзываются, а оставляются для украшенія шапки, иногда же оставляется и голова птицы.

Не всѣ шаманы имѣютъ право носить филинову шапку; духи во время камланія (священнодѣйствія) открываютъ своимъ любимцамъ, что наступила пора, когда имъ можно приготовить себѣ одежды, приличествующія ихъ камскому званію.

Всѣ отдѣльныя части одежды сибирскихъ шамановъ и принадлежности, находящіяся въ ихъ распоряженіи, имѣютъ особенное значеніе, какъ въ своей отдѣльности, такъ и въ своихъ сочетаніяхъ.

Шаманы наружнымъ видомъ своего костюма, вслѣдствіе его необходимой своеобразности, стараются произвести сильное впечатлѣніе на зрителей; звукъ колокольчиковъ, металлическихъ привѣсковъ и погремушекъ на бубнѣ и тростяхъ, ударяемыхъ одна о другую, дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ на присутствующихъ и возбуждаетъ въ нихъ извѣстнаго рода настроеніе.

Наконецъ, всѣ украшенія и предметы, принадлежащіе шаману, имѣютъ сокровенный смыслъ, понятный только для шаманистовъ и тѣсно связанный съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ.

Не всякій можетъ быть шаманомъ, и шаманское званіе дается у сибирскихъ инородцевъ или по наслѣдству или по особому предрасположенію, проявляющемуся у мальчика или юноши, избраннаго духами для служенія имъ.

Якутскіе шаманы и шаманки получаютъ волшебный даръ не по наслѣдству, хотя и существуетъ преданіе, что если въ роду появился кудесникъ, то онъ уже не переводится; они предназначаются на служеніе духамъ помимо ихъ воли. Духъ, покровитель умершаго шамана, старается поселиться въ комъ-либо принадлежащемъ къ роду покойнаго.

Съ дѣтскихъ лѣтъ начинаются у будущаго кама припадки эпилепсіи: онъ внезапно гогочетъ, впадаетъ въ безпамятство, бѣгаетъ по лѣсамъ, питается древесной корой, мечется въ огонь и воду, хватается за оружіе, колетъ себя, такъ что родственники за нимъ присматриваютъ и по этимъ признакамъ узнаютъ, что онъ будетъ шаманомъ, и призываютъ стараго шамана. Тотъ знакомитъ своего ученика съ различными духами и наставляетъ, какъ слѣдуетъ ихъ призывать.

Обрядъ посвященія въ шаманы обставленъ у якутовъ особыми церемоніями: старый шаманъ выводитъ своего ученика на высокую гору или на чистую поляну, надѣваетъ на него шаманскую одежду, даетъ бубенъ, колотушку и, стоя сзади вновь посвящаемаго, заставляетъ его повторять свои слова.

Сначала онъ требуетъ, чтобы тотъ отрекся отъ Бога, отъ всего любимаго и дорогого и далъ бы обѣщаніе жизнь свою посвятить демону, который долженъ исполнять его просьбы.

Затѣмъ старый шаманъ говоритъ, какой демонъ

гдѣ живетъ, какія болѣзни причиняетъ людямъ и чѣмъ его можно умилостивить.

Въ заключеніе новый шаманъ долженъ убить жертвенное животное, кровью котораго и окропляютъ его одежду, а мясо съѣдается собравшимися зрителями.

У инородцевъ, живущихъ въ Алтаѣ, способность къ камланію врожденная; обученіемъ пріобрѣтается только знаніе напѣвовъ, молитвъ и внѣшнихъ обрядовъ. Рано начинаетъ будущій камъ чувствовать свое предназначеніе; имъ овладѣваетъ болѣзнь, онъ часто впадаетъ въ бѣшенство.

Напрасно многіе избранники борются съ вражденнымъ стремленіемъ, зная, что участь шамана незавидна, но это воздержаніе приноситъ имъ большія страданія: даже отдаленные звуки бубна приводятъ ихъ въ дрожь.

Больныхъ шаманскимъ недугомъ постигаютъ физическія мученія: у нихъ ведетъ руки и ноги и, наконецъ, они поступаютъ въ ученіе къ каму.

Камское влеченіе наслѣдственно; у кама часто родятся дѣти, предрасположенныя къ болѣзненнымъ припадкамъ.

Если въ семействѣ, гдѣ нѣтъ шамана, родится мальчикъ или дѣвочка съ припадками, то алтайцы убѣждены, что кто нибудь изъ предковъ былъ шаманомъ.

Бываетъ случай, что шаманами становятся и по личному хотѣнію, но такіе камы значительно слабѣе родовыхъ.

Такимъ образомъ, все предшествующее развитіе шамана, начиная съ дѣтскихъ годовъ и до самаго посвященія въ камское или шаманское званіе, напра-

влено къ тому, чтобъ усилить въ немъ природныя наклонности и сдѣлать изъ него человѣка ненормальнаго, своеобразнаго, непохожаго на обыкновенныхъ людей. Обрядъ посвященія тоже направленъ къ достиженію подобной цѣли; шаманъ становится въ положеніе совершенно особое: онъ принимаетъ на себя обѣты, дѣлается принадлежностью духовъ, которые, подчиняясь его призывамъ, въ свою очередь властвуютъ надъ нимъ.

Къ этимъ вѣщимъ людямъ, искусившимся во всѣхъ тайнахъ міра боговъ и духовъ, суевѣрные инородцы и шаманисты, проникнутые мрачными воззрѣніями на жизнь и природу, обращаются во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Всѣ болѣзни происходятъ отъ злыхъ духовъ, поселяющихся въ человѣкѣ, и пріемы лѣченія направлены къ изгнанію или задабриванію непрошенныхъ гостей.

Самый несложный способъ, это—лѣченіе огнемъ.

Въ Колымскомъ округѣ у одного парня разболѣлся и сталъ нарывать случайно ушибленный палецъ.

Рѣшено было, что въ пальцѣ поселился злой духъ „еръ“.

Желая его оттуда выгнать, больной взялъ горячій уголь и сталъ раздувать его около нарыва.

Когда обожженное тѣло лопнуло съ легкимъ трескомъ, то больной, самодовольно улыбаясь, сказалъ присутствующимъ: „Видѣли, какъ выскочилъ?“

Къ другимъ домашнимъ средствамъ для облегченія страданій относятся бряцаніе желѣза, шумъ, громкіе крики и т. п.

Когда простое лѣченіе не помогаетъ, то якуты обращаются къ шаману; тотъ является заступникомъ

за несчастныхъ и посредникомъ между людьми и духами въ ихъ столкновеніяхъ. Вотъ какъ одинъ изслѣдователь описываетъ ту часть обряда, которая остается всегда неизмѣнной и является его остовомъ, закрѣпленнымъ обычаемъ.

„Позванный къ больному шаманъ, появившись въ юрту, занимаетъ мѣсто на самой почетной нарѣ (скамьѣ) въ углу противъ огня.

Растянувшись на своей бѣлой кобыльей кожѣ, лѣкарь лежитъ, ожидая ночи и того часа, когда можно начать колдовство.

Все это время его кормятъ, поятъ и чествуютъ.

Наконецъ, солнце сѣло. Сумерки надвигаются. Въ юртѣ дѣлаются торопливыя приготовленія къ шаманству: подметаютъ полъ, колютъ дрова и лучину, варятъ особенно сытный и вкусный ужинъ.

Мало-по-малу собираются сосѣди, размѣщаются на скамьяхъ вдоль стѣнокъ, мужчины съ правой стороны.

Разговоры ведутся особенно строго, сдержанно, движенія посѣтителей плавны и медленны.

Когда всѣ поужинаютъ, шаманъ, присѣвши на краю наръ, медленно расплетаетъ косички, что-то бормоча и отдавая различныя приказанія. Онъ по временамъ нервно и искусственно икаетъ, отчего его тѣло странно содрогается.

Глаза кудесника не глядятъ по сторонамъ; они или опущены или уставлены неподвижно въ одну точку, обыкновенно въ огонь.

Огонь понемногу потухаетъ. Юрту наполняютъ густыя сумерки. Двери запираются, и наступаетъ почти полное молчаніе.

Шаманъ медленно снимаетъ съ себя рубаху и на-

дѣваетъ свой волшебный кафтанъ, затѣмъ, взявъ закуренную трубку, онъ долго куритъ, глотая дымъ.

Икота становится громче, дрожь еще трепетнѣе.

Вотъ лѣкарь кончилъ курить, лицо его блѣдно, голова низко опущена, глаза полузакрыты.

Въ это время на рединѣ юрты успѣли положить бѣлую кобылью кожу.

Шаманъ, взявъ ковшъ холодной воды, выпиваетъ нѣсколько большихъ глотковъ и медленнымъ соннымъ движеніемъ отыскиваетъ на скамьѣ приготовленные заранѣе кнутъ, вѣтку или колотушку бубна.

Затѣмъ онъ выходитъ на середину юрты и, сгибая четыре раза правое колѣно, совершаетъ торжественный поклонъ на всѣ четыре стороны свѣта, причемъ брызжетъ кругомъ себя изо рта водой.

Въ огонь бросаютъ горсть бѣлыхъ конскихъ волосъ и окончательно его тушатъ. При слабомъ мерцаніи угольевъ виднѣется еще нѣкоторое время въ темнотѣ неподвижная фигура шамана, сидящаго, понуря голову, держа передъ грудью громадный, какъ щитъ, бубенъ.

Лицо его обращено на югъ.

Всѣ сидящіе на скамьяхъ притаили дыханіе, и среди непроглядной тьмы слышно только невнятное бормотаніе и иканіе кудесника.

Наконецъ, и эти звуки затихаютъ; на мгновеніе водворяется мертвая тишина.

Немного спустя, раздается одинокій, сдержанный зѣвокъ, и вслѣдъ за нимъ гдѣ-то въ покрытой тьмою юртѣ громко, четко и пронзительно прокричитъ соколъ или жалобно расплачется чайка.

Послѣ новаго промежутка начинается легкая, какъ

комариное жужжаніе, дробь бубна: шаманъ начинаетъ свою музыку.

Вначалѣ нѣжная, мягкая, неуловимая, потомъ нервная и произвольная, какъ шумъ приближающейся бури, музыка все растетъ и крѣпнетъ.

На общемъ ея фонѣ поминутно выдѣляются дикіе крики: каркаютъ вороны, смѣются гагары, жалуются чайки, посвистываютъ кулики, клекочутъ соколы и орлы. Музыка растетъ, удары по бубну сливаются въ одинъ непрерывный гулъ: колокольчики, погремушки, бубенчики гремятъ и звенятъ не уставая.

Это—цѣлый потокъ звуковъ, готовый совершенно поглотить сознаніе присутствующихъ.

Вдругъ все обрывается; еще одинъ, два мощныхъ удара по бубну—и волшебный инструментъ падаетъ на колѣни шамана.

Все разомъ умолкаетъ.

Пріемъ этотъ повторяется съ небольшими измѣненіями нѣсколько разъ.

Когда шаманъ подготовилъ, такимъ образомъ, всѣхъ присутствующихъ, музыка измѣняетъ темпъ, къ ней присоединяются отрывочныя фразы пѣсни, отличающіяся мрачнымъ тономъ.

Заклинаніе якутскаго шамана одно и то же.

Дальнѣйшая часть обряда представляетъ импровизацію, приноровленную къ извѣстнымъ случаямъ и опредѣленнымъ лицамъ.

Когда шаманъ, посредствомъ своихъ пѣснопѣній, заставилъ снизойти на себя духа-покровителя, то начинаетъ на разосланной кожѣ подпрыгивать и топтаться, открывая, такимъ образомъ, вторую часть своего драматическаго дѣйствія.

Яркій свѣтъ возобновленнаго огня разливается по юртѣ, полной шума и движенія.

Кудесникъ непрерывно пляшетъ, поетъ и бьетъ въ бубенъ; повернувшись лицомъ сначала на югъ, затѣмъ на западъ и востокъ, онъ бѣшено прыгаетъ и кривляется. Темпъ и шагъ танца похожи немного на русскаго трепака, только быстрѣе его и лишены удали.

Наконецъ, шаманъ узналъ все, что ему нужно; онъ раскрылъ, кто причинилъ болѣзнь, заручился обѣщаніями и содѣйствіемъ могущественныхъ духовъ.

Тогда начинается третья часть шаманскаго представленія.

Кружась, танцуя и ударяя колотушкой въ бубенъ, съ пѣніемъ лѣкарь направляется къ больному.

Съ новыми заклинаніями онъ изгоняетъ причину болѣзни, выпугивая ее или высасывая ртомъ изъ больного мѣста.

Изгнавъ болѣзнь, заклинатель уноситъ ее на середину избы и послѣ многихъ церемоній и заклинаній выплевываетъ, выгоняетъ изъ юрты, выбрасываетъ вонъ пинками или сдуваетъ прочь съ ладони далеко на небо или подъ землю.

Но недостаточно изгнать болѣзнь; необходимо умилостивить боговъ, освободившихъ человѣка, страдающаго отъ недуга, и шаманъ опредѣляетъ, какую жертву нужно принести мощнымъ небеснымъ духамъ.

По окончаніи обряда, кудесникъ опять садится на свою кобылью шкуру, поетъ и играетъ, а присутствующіе переносятъ его вмѣстѣ съ кожей обратно на почетную скамью, которую онъ занималъ вначалѣ камланія“.

* * *

Таково въ общихъ чертахъ шаманство у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, а между прочимъ, и у ороковъ или орочонъ.

Кромѣ того, орочоны поклоняются нѣкоторымъ животнымъ, среди которыхъ тигръ занимаетъ почетное мѣсто. Этотъ ужасный хищный звѣрь неразвитымъ дикарямъ представляется какимъ-то богомъ, почему ороки рѣшаются убить тигра только въ крайнемъ случаѣ, когда онъ натворилъ слишкомъ много бѣдъ. При встрѣчѣ орочонъ кланяется ему и стрѣляетъ только въ томъ случаѣ, когда тигръ захочетъ полакомиться мясомъ орочона.

Осѣдлые орочоны намного развитѣе своихъ бродячихъ сородичей, но и они еще очень низко стоятъ въ умственномъ развитіи. Кстати, надо сказать, что орочоны постепенно вымираютъ, и, навѣрное, имъ не удастся никогда подняться до уровня вполнѣ развитого человѣка.

Орочоны лѣтосчисленія не ведутъ, не знаютъ мѣсяцевъ и чиселъ, а время опредѣляютъ по ежегодному ходу въ рѣкѣ красной рыбы, кэты. Если орочонъ хочетъ сказать сколько ему лѣтъ, то онъ скажетъ, напримѣръ: „Я ѣлъ уже сорокъ рыбъ", т.-е. ему уже сорокъ лѣтъ. Когда онъ хочетъ опредѣлить, сколько лѣтъ тому назадъ былъ какой-либо случай, то говоритъ: „Съ тѣхъ поръ рыба прошла семь разъ", т.-е. это случилось семь лѣтъ тому назадъ.

Семейныя отношенія у осѣдлыхъ орочонъ можно считать очень хорошими. Старики и отцы семействъ пользуются большимъ уваженіемъ. Дѣти растутъ въ полномъ повиновеніи родительской власти. Лѣтъ до восьми они находятся на попеченіи матери, а потомъ

дѣятельно помогаютъ отцамъ въ звѣроловствѣ и рыболовствѣ. Отецъ вручаетъ мальчику въ руки маленькій лукъ и острогу, и мальчикъ считаетъ себя уже настоящимъ охотникомъ.

Браки у орочонъ совершаются въ очень раннемъ возрастѣ. Какъ только мальчику сравняется четырнадцать лѣтъ, отецъ начинаетъ подыскивать ему подходящую невѣсту. Невѣста покупается, какъ товаръ, причемъ изъ-за нея происходитъ сильный торгъ между ея родителями и родителями жениха. Сторговавшись, отецъ жениха ведетъ послѣдняго въ фанзу невѣсты для выпивки по поводу сговора. Выпивши здѣсь, всѣ идутъ вмѣстѣ съ невѣстой въ фанзу жениха, гдѣ тоже происходитъ попойка, и бракъ заключенъ.

Невѣста на брачное торжество одѣвается по-праздничному. Обыкновенно, орочоны, какъ мужчины, такъ и женщины, носятъ куртку и штаны изъ бумазейной матеріи, а тутъ орочонка надѣваетъ еще длинную двойную рубаху и вышитые разноцвѣтными узорами сапоги. Кромѣ того, она увѣшиваетъ себя всевозможными побрякушками—бусами, бубенчиками, мѣдными и желѣзными кусочками; все это звенитъ при каждомъ ея движеніи. Въ уши, а иногда и въ правую ноздрю, дѣвушка продѣваетъ толстыя серебряныя кольца съ привязанными къ нимъ металлическими бляхами, а руки унизываетъ серебряными или просто цвѣтными стеклянными браслетами и кольцами. На поясѣ у невѣсты непремѣнно виситъ вышитый прихотливыми узорами кисетъ съ трубкой, крѣпко набитой махоркой, такъ какъ всѣ женщины орочонъ страстныя курильщицы и съ самаго дѣтства никогда не разстаются съ трубкой.

Такъ же, какъ къ табаку, женщины пристрасти-

лись къ спиртнымъ напиткамъ, причемъ во время выпивокъ ничуть не уступаютъ мужчинамъ.

Въ домашнемъ же быту орочонки находятся въ полной зависимости отъ мужей. На нихъ лежатъ всѣ тяжелыя работы по хозяйству, такъ какъ мужчины вообще страшно лѣнивы и все свободное отъ промысловъ время употребляютъ на пьянство.

Рожденіе ребенка въ семьѣ встрѣчается съ радостью; въ особенности радуются рожденію дѣвочки, потому что она потомъ принесетъ отцу порядочный доходъ.

Пока дѣти находятся на рукахъ, за ними бываетъ еще нѣкоторый уходъ; матери иногда даже моютъ ихъ; но какъ только дѣти стали ходить, на нихъ уже не обращается никакого вниманія. Растутъ они въ невообразимой грязи, одежду мѣняютъ только тогда, когда она отъ ветхости сама свалится съ нихъ.

Орочоны не имѣютъ никакого понятія о чистоплотности. Они никогда не моются и не чешутся. Благодаря антигигіеническимъ условіямъ жизни и пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, орочоны, какъ было уже говорено, постепенно вымираютъ.

Другое инородческое мѣстное племя, тоже тунгузскаго происхожденія,—дауры. Занимаются они хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Такъ какъ даурамъ долго пришлось жить въ близкомъ сосѣдствѣ съ китайцами и маньчжурами, то внѣшній видъ ихъ сильно измѣнился отъ общаго тунгузскаго типа. При крѣпкомъ тѣлосложеніи и высокомъ ростѣ, въ чертахъ ихъ лица проглядываетъ нѣчто монгольское—почти всегда они съ косымъ разрѣзомъ глазъ, выдающимися скулами и рѣдкой бородкой; но глаза у нихъ большіе и круглые, носъ менѣе приплюснутый. Въ языкѣ дауровъ много

монгольскихъ и китайскихъ словъ, но онъ все еще больше похожъ на тунгузскій. Вліяніе сосѣдства китайцевъ сказалось и на образѣ жизни дауровъ; отъ китайцевъ они переняли постройку жилищъ, одежду, религію.

Питаются дауры почти исключительно растительной пищей, въ которой просо играетъ главную роль; любятъ дауры пряности, въ видѣ чеснока и краснаго перца.

Кромѣ орочонъ и дауровъ, въ Уссурійскомъ краѣ живутъ еще гольды, тоже народъ тунгузскаго происхожденія. По виду и по образу жизни гольды похожи на орочонъ.

Фанзы ихъ маленькія, сдѣланныя по большей части изъ глины и очень грязныя. За каждой избой тянется огородъ, засаженный преимущественно табакомъ, такъ какъ у гольдовъ, какъ и у орочонъ, курятъ не только женщины, но и дѣти.

Главный промыселъ гольдовъ—рыбная ловля и охота. Лѣтомъ большая часть гольдовъ оставляетъ свои фанзы и перебирается на мѣста, изобилующія рыбой и звѣремъ; тамъ они строятъ себѣ новыя жилища изъ камыша и бересты. Самый большой уловъ рыбы бываетъ осенью. Пойманную рыбу вялятъ на солнцѣ, и въ такомъ видѣ, подъ названіемъ юколы, она составляетъ пищу гольдовъ въ теченіе всей зимы. Для охоты на звѣря гольды держатъ собакъ, которыхъ поэтому очень много въ каждой деревнѣ.

IV.

Изъ городовъ по Амуру и въ Уссурiйскомъ краѣ наиболѣе значительные: Благовѣщенскъ, Хабаровскъ и Владивостокъ.

Благовѣщенскъ—главный, областной городъ Прiамурскаго края. Расположенъ онъ на Амурѣ, на самой границѣ съ Китаемъ, вдоль лѣваго берега рѣки. Городъ имѣетъ и торговое значенiе, такъ какъ находится въ весьма плодородной странѣ, вблизи русскаго крестьянскаго и китайскаго населенiя, поэтому является пунктомъ обширной торговли. За Благовѣщенскомъ навсегда останется значенiе хлѣбнаго рынка для всей прилегающей области.

При впаденiи Уссури въ Амуръ расположенъ Хаборовскъ, или Хабаровка. Лежитъ онъ на скатѣ холмовъ и довольно крутыхъ скалъ.

Хабаровскъ основанъ въ 1858 году. Дома здѣсь преимущественно деревянные, хотя въ послѣднее время началась усиленная постройка кирпичныхъ зданiй. Въ виду этого въ Хабаровскѣ открылось нѣсколько кирпичныхъ заводовъ.

Улицы города не шоссированы; тротуары лишь на главныхъ улицахъ и построены изъ деревянныхъ досокъ. По ночамъ городъ или тонетъ во мракѣ, или освѣщается луной; правда, есть нѣсколько керосиновыхъ фонарей, но только на главной улицѣ.

Преобладающее населенiе—русскiе, затѣмъ идутъ китайцы, японцы. Въ городѣ большая пристань на Амурѣ и вокзалъ Уссурiйской желѣзной дороги, что способствуетъ матерiальному процвѣтанiю города. И дѣй-

ствительно, городъ быстро развивается, ведя значительную торговлю съ китайцами.

Владивостокъ лежитъ на самомъ югѣ Уссурійской области, на берегу Японскаго моря. Владивостокъ— военный центръ. Портъ его отлично вооруженъ, особенно послѣ японско-китайской войны. Въ гавани Владивостока въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ много военныхъ пароходовъ и торговыхъ судовъ. Громадное неудобство этого порта заключается въ томъ, что онъ замерзаетъ, благодаря чему зимніе мѣсяца Владивостокъ пребываетъ въ спячкѣ. Русская военная эскадра уходитъ изъ его пристани на зимовку, прежде въ Нагасаки, японскій портъ, а теперь въ Портъ-Артуръ.

Городъ раскинулся по берегу моря, у подошвы довольно длинной цѣпи горъ. Климатъ здѣсь не мягче, чѣмъ въ Архангельскѣ, причины чему были объяснены выше. Преобладающій типъ построекъ—одноэтажные и двухъэтажные деревянные домики. Каменные дома строятся въ три и даже въ четыре этажа. Главная улица— Свѣтланская. Длина этой прямой, широкой улицы равна приблизительно 6-ти верстамъ. Владивостокъ сталъ застраиваться сравнительно недавно.

Базарная площадь и болѣе центральныя улицы освѣщаются керосиномъ, для чего городъ имѣетъ 250 фонарей. Электричество здѣсь также начинаетъ вводиться, пока имъ освѣщаются магазины мѣстныхъ богачей, а также нѣкоторыя гостиницы. Кромѣ того, электрическое освѣщеніе введено на приморскихъ маякахъ и встрѣчается на стоящихъ въ гавани пароходахъ.

Мостовыхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Тротуары преимущественно деревянные. Учебныхъ заведеній во Владивостокѣ сравнительно немного: двѣ гимназіи (мужская

и женская) и пять низшихъ училищъ, портовая школа морского вѣдомства и мореходные классы. Кромѣ того, здѣсь есть одно высшее учебное заведеніе—институтъ восточныхъ языковъ.

Владивостокъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Милліоны, употребляемые на улучшеніе города, притягивали и до сихъ поръ еще притягиваютъ сюда массу народа. Врядъ ли найдется въ цѣломъ мірѣ другой городъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ столько народностей, какъ Владивостокъ. Здѣсь можно встрѣтить русскихъ, поляковъ, французовъ, кавказскихъ горцевъ, корейцевъ, англичанъ, китайцевъ, нѣмцевъ, японцевъ, американцевъ и проч.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги до Владивостока изъ Европейской Россіи и съ занятіемъ Портъ-Артура промышленное значеніе города сильно возросло.

Несмотря на то, что Владивостокъ является наиболѣе оживленнымъ, административнымъ и торговопромышленнымъ пунктомъ области, онъ не можетъ похвастаться своимъ благоустройствомъ, и въ пору весенней и осенней распутицы непролазная грязь сильно напоминаетъ наши провинціальные захолустные уголки.

Бухта „Золотой Рогъ“ во Владивостокѣ можетъ вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ, приблизительно около 200 кораблей. Самые большіе эскадренные броненосцы могутъ безопасно двигаться въ этой бухтѣ.

V.

Пріамурье—край, который русскіе знали уже давно, которымъ они владѣли въ теченіе почти полувѣка, и не

мало пролилось удалой русской крови здѣсь сподвижниками первыхъ храбрецовъ, пробравшихся въ этотъ край: Пояркова, Хабарова, Толбузина.

Въ Пріамурскій край русскіе впервые проникли слишкомъ два съ половиной вѣка тому назадъ. Это было въ 1644 году. Главою этихъ смѣлыхъ удальцовъ былъ „письменный воевода" Василій Поярковъ.

Подъ начальствомъ у него было 132 человѣка сибирскихъ казаковъ. Отправился онъ въ свою экспедицію съ разрѣшенія якутскаго воеводы Головина.

Походъ этотъ, однако, окончился не совсѣмъ удачно.

Правда, Поярковъ добрался по Амуру до самаго Охотскаго моря, но по пути отъ разныхъ невзгодъ и въ постоянныхъ стычкахъ съ туземцами большая часть его отряда погибла.

Онъ долженъ былъ вернуться.

Онъ вернулся съ большимъ запасомъ свѣдѣній о новыхъ земляхъ. Теперь уже по всей Сибири заговорили про дальній богатый край.

Поярковъ имѣлъ рѣдкій успѣхъ, онъ сдѣлалъ важное открытіе; онъ открылъ, что Амуръ впадаетъ въ море, сообщающееся съ Охотскимъ; онъ нашелъ новыя земли, новые народы. Край этотъ, докладывалъ Поярковъ, легко завоевать; для этого требуется всего три сотни воиновъ при опытномъ военачальникѣ. Однако, прибавлялъ онъ, надо быть осторожнымъ, такъ какъ тамошніе туземцы платятъ дань какому-то очень сильному хану, у котораго много „лучного и огненнаго боя".

Приамурье начало сильно интересовать русскихъ людей, и въ 1649 году якутскій воевода далъ добровольцу—устюжскому поселенцу Хабарову—разрѣшеніе идти съ 70-ю человѣками въ Даурскую землю.

Хабаровъ рѣшилъ идти воевать „Ямуръ-рѣку“.

Онъ кликнулъ кличъ.

Семьдесятъ удальцовъ собрались около него, провозгласили его атаманомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Амура загрохотали хабаровскіе мушкеты.

Но Хабаровъ чувствовалъ слабость своей банды и ограничился только тѣмъ, что набралъ добычи, разгромивъ нѣсколько поселковъ, и тѣмъ же путемъ возвратился въ Якутскъ.

Въ то время въ Сибири было много гулячаго народа.

Изъ устъ въ уста понеслась вѣсть:

„Хабаровъ вернулся съ похода“. „Хабаровъ ходилъ на Амуръ самъ семьдесятъ“. „Хабаровъ бился съ дaурами и взялъ съ нихъ дань“.

Бродячій людъ заволновался.

— Идемъ къ Хабарову. Пусть онъ ведетъ насъ хоть на край свѣта.

Бродячій людъ не страшился трудностей пути черезъ тайгу, черезъ болота, по невѣдомымъ рѣчкамъ и озерамъ.

— Идемъ воевать море!

Маленькій хабаровскій отрядъ разросся въ настоящее войско.

— Веди насъ, батько атаманъ!

Хабаровъ двинулся въ новый походъ.

Опять задымились мушкеты на берегахъ Амура; загромыхали выстрѣлы.

Историкъ сказалъ про Хабарова:

„Въ своихъ походахъ онъ окрестилъ туземное населеніе Амура огнемъ и мечомъ, и его походы едва ли были легче для инородцевъ татарскаго погрома...“

Хабаровская вольница забралась даже въ Маньчжурію. Какъ степной пожаръ, она уничтожала все по пути.

Казацкія пули сметали цѣлыя полчища туземцевъ. Попавшіе въ плѣнъ безжалостно избивались.

Бѣдные туземцы!

У нихъ были только стрѣлы да копья. Они не были обучены ни пѣшему, ни конному строю.

А казаки били по нимъ залпами изъ отличныхъ по тому времени мушкетовъ.

Въ одномъ сраженіи у казаковъ выбыло изъ строя четверо убитыми и 45 ранеными. А у дауровъ легло около семисотъ воиновъ, и кромѣ того попали въ плѣнъ 243 женщины и 110 дѣтей.

Мужчинъ казаки въ плѣнъ старались не брать.

Для мужчинъ у нихъ были пуля и ножъ.

Вотъ одно изъ хабаровскихъ донесеній:

„Божіей милостью и Государевымъ счастьемъ тѣхъ Дауровъ въ пень порубили всѣхъ съ голову на голову... И мы ихъ въ пень рубили, а женъ и дѣтей имали, и скотъ".

Да, то былъ жестокій вѣкъ! Хабаровъ былъ только сыномъ своего вѣка, и ему нельзя поставить въ вину его жестокостей. Другой на его мѣстѣ поступалъ бы совершенно такъ же.

По пути своего опустошительнаго шествія Хабаровъ построилъ нѣсколько остроговъ (деревянныхъ укрѣпленій)—Косогорскій, Ачанскій, Кумарскій и др.

У него былъ, очевидно, основательно продуманный завоевательный планъ и полное пониманіе того дѣла, за которое онъ взялся...

Чтобъ упрочить господство Московскаго государства

въ Пріамурьѣ, кромѣ остроговъ, онъ основалъ городъ Албазинъ на рѣкѣ того же имени.

Отсюда Хабаровъ отправилъ въ Москву посольство.

Онъ просилъ у царя подкрѣпленій. Въ подкрѣпленіи ощущалось теперь у него неотложная необходимость.

Сто человѣкъ изъ его отряда заявили ему прямо:

— Не хотимъ сидѣть на мѣстѣ; хотимъ дальше идти войною.

Хабаровъ не сталъ ихъ удерживать.

Онъ зналъ, что ихъ привлекаетъ совсѣмъ не военные подвиги, а грабежъ... А у него была своя цѣль: грабители ему были не нужны.

Войско его порѣдѣло.

Тѣмъ временемъ свѣдѣнія о краѣ, о его богатствахъ, сравнительно благопріятномъ климатѣ были столь завлекательны, что изъ Якутска на Амуръ потянулись цѣлыя вереницы людей. Въ Москвѣ не остались глухи къ этому движенію и послали въ 1652 г. на Амуръ дворянина Зиновьева, которому было поручено упорядочить это переселенческое движеніе.

Подкрѣпленія пришлось дожидаться долго.

Наконецъ, оно пришло.

Вмѣстѣ съ подкрѣпленіемъ Хабаровъ получилъ бумагу.

Какъ и слѣдовало ожидать, Москва осталась довольна хабаровскими подвигами, но предписывала строжайше.

Во-первыхъ:

Никого не грабить.

А во-вторыхъ:

Обложить туземное населеніе извѣстнымъ ясакомъ и пользоваться для своихъ нуждъ только этимъ ясакомъ *).

*) Ясакъ—дань.

Казаки заволновались. Опять многіе бросили отрядъ и ушли на грабежъ.

Вслѣдъ за подкрѣпленіемъ изъ Москвы прибылъ чиновникъ Зиновьевъ.

Хабаровъ былъ для него — холопъ: на казаковъ онъ смотрѣлъ, какъ на людей, которыхъ можно только терпѣть...

Конечно, они храбры, безстрашны, они прекрасные воины, скорѣе великолѣпный матеріалъ для образованія образцоваго войска, но ихъ нужно держать въ рукахъ.

Имъ нельзя давать поблажки.

Они тоже холопы московскаго царя, какъ и Хабаровъ холопъ, какъ и онъ также, Зиновьевъ,—холопъ...

Только онъ, Зиновьевъ, сейчасъ здѣсь „государево око".

Казаки, значитъ, и ихъ названный атаманъ Хабаровъ—холопы царскаго холопа.

И онъ сказалъ Хабарову:

— Знай, холопъ, я не позволю тебѣ продолжать безчинство! Уйми свой сбродъ!

Онъ говорилъ опять о грабежахъ... Онъ видѣлъ, что все населеніе края въ ужасѣ отъ казацкихъ безчинствъ бѣжитъ на югъ.

Край покорили не для того, чтобъ его опустошать, лишать рукъ, воздѣлывавшихъ поля.

Конечно, и Хабаровъ, вѣроятно, смотрѣлъ такъ же на похожденіе своей вольницы.

Если онъ воевалъ „Ямуръ-рѣку" и строилъ потомъ по ея берегамъ и берегамъ ея притоковъ города и крѣпостцы, такъ ужъ никакъ не для того, чтобы въ конецъ разорить страну.

Но что онъ могъ сдѣлать съ казаками?

— Знай, холопъ...

Хабаровъ вспылилъ...

Однако, онъ былъ сдержанный человѣкъ и зналъ, что передъ нимъ стоитъ царскій посланецъ.

Онъ подавилъ въ себѣ негодованіе.

Но его вольница возмутилась.

Какъ? Кричать на ихняго атамана, называть его холопомъ!..

Раздалась брань, посыпались угрозы, засверкало оружіе.

Кое-какъ Хабарову удалось успокоить буяновъ... Пусть грабежи, пусть насиліе — недоставало еще междоусобій. А послѣднее легко могло случиться, такъ какъ московское подкрѣпленіе, несомнѣнно, встало бы грудью за Зиновьева.

Но Зиновьевъ уже не довѣрялъ Хабарову.

Онъ призвалъ къ себѣ казака Онуфрія Степанова, сумѣвшаго войти къ нему въ довѣріе.

— Онуфрій, теперь по „Ямуръ-рѣкѣ“ вмѣсто Хабара будешь ты.

Изъ Москвы ему были даны широкія полномочія.

Потомъ онъ оставилъ Амуръ.

Московское правительство, однако, не оставило Хабарова безъ награды. Его пожаловали саномъ боярина и приказали ему „быть прикащикомъ поселеній на рѣкѣ Ленѣ“.

Съ Амура его удалили.

Амурскимъ краемъ сталъ править Онуфрій Степановъ.

Конечно, онъ былъ иной человѣкъ, чѣмъ Хабаровъ, но казаки-то подъ его начальствомъ остались тѣ же, что были и при Хабаровѣ.

Когда грабить стало некого, они кинулись дальше на югъ и востокъ, въ глубь Маньчжуріи.

Теперь, однако, на эти набѣги они пускались не ради одного только грабежа.

Поля и села кругомъ были опустошены... Дауры ушли далеко въ степи, за синія горы *)...

Въ китайскихъ лѣтописяхъ того времени сохранилась такая характеристика хабаровскихъ удальцовъ:

„Люди царства Лоче (лоче—русскіе) всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами.

„Оружіе въ ихъ рукахъ страшно.

„Они храбры, какъ тигры, и искусны въ стрѣльбѣ.

„У нихъ есть пушки, называемыя арбузами, потому что ядра ихъ напоминаютъ арбузы по своей формѣ; они мѣтко попадаютъ изъ нихъ на разстояніи нѣсколькихъ ли (ли—около 200 саженъ).

„Кто имъ не попадался, они всегда убивали“.

Въ богатой, только что покоренной странѣ наступилъ голодъ.

Некого было грабить, нечего стало ѣсть.

Начался голодный моръ.

Голодной смертью умерло почти три четверти казаковъ.

По Маньчжуріи пронеслась вѣсть:

„Лоче мрутъ съ голоду, какъ мухи осенью. Идемъ бить лоче“.

Надъ Албазиномъ засвистѣли стрѣлы.

Въ отвѣтъ сверкнулъ огонь мушкетовъ.

Но грохотъ выстрѣловъ былъ слабѣй, чѣмъ раньше... Тигръ израненный, измученный умиралъ, издавая предсмертное хрипѣнье.

*) Въ Маньчжурію.

— Слышите, какъ хрипитъ зеленоглазая амба (амба— тигръ). Амба сломалъ свои зубы о кости палыхъ лошадей... Впередъ! Бить лоче!

Тучей несутся стрѣлы на Албазинъ.

— Эхъ, батько, батько! Эхъ, атаманъ! — кричатъ осажденные.

Гремятъ мушкеты... Но ихъ грохотъ тонетъ уже въ свистѣ стрѣлъ. „Амба“ испускаетъ послѣднее дыханіе.

— Умремъ до одного!..

Степановъ, однако, сумѣлъ хитрымъ маневромъ спасти остатокъ своего отряда.

„Тогда считать мы стали раны“...

Въ Якутскъ вернулась только одна десятая степановскаго отряда.

Маньчжурцы могли ликовать.

Наконецъ, лоче разбиты.

Правда, „амба“ умиралъ съ голоду, когда его убили, но все равно онъ убитъ.

И по договору съ Китаемъ въ 1689 году Приамурье было отдано Китаю.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и сибирскій „амба“ снова появился на берегахъ Амура.

Польскій выходецъ Черниговскій во главѣ банды головорѣзовъ, какъ въ былое время Хабаровъ, чрезъ лѣса и болота пробрался въ заповѣдную страну.

Разрушенныя стѣны Албазина выросли снова.

Изъ бойницы на маньчжурскія степи грозно опять смотрѣли жерла орудій.

На вышкахъ перекликались часовые:

— Славенъ городъ Кіевъ!

— Славенъ городъ Новгородъ!

— Славенъ городъ Москва!

Сибирскій „амба“ подавалъ голосъ.

Черниговскій задавался, очевидно, широкими цѣлями: немедленно же по возстановленіи Албазина, онъ принялся за устройство поселковъ, засѣвалъ опустѣлыя поля, прокладывалъ дороги, наводилъ мосты.

Слухъ о Черниговскомъ дошелъ въ Москву, и вотъ въ Албазинъ является Алексѣй Толбузинъ съ войскомъ.

Изъ Албазина рѣшено было сдѣлать особое воеводство: московскоеп равительство, значитъ, уже считало Амурскій край своимъ.

Толбузинъ, первый воевода албазинскій, предписалъ Черниговскому:

„Сдать войско и оружіе“.

Черниговскій повиновался.

Куда онъ дѣвался потомъ: остался ли служить Толбузину, или удалился изъ Албазина—неизвѣстно.

Достовѣрно только одно: ему, какъ поляку, опасались вручить управленіе краемъ.

Между тѣмъ, по Маньчжуріи опять пронеслась грозная вѣсть:

„Албазинъ возстановленъ! Албазинъ въ рукахъ лоче. Лоче посадили въ Маньчжуріи своего сзянь-сзюня! *)“

Китайскому богдыхану казалось уже, что колеблется его тронъ.

Лоче храбры, какъ Амба...

Лоче не знаютъ пощады!

И вотъ насталъ день.

Подъ стѣнами Албазина появилось пятнадцатитысячное китайское войско.

Пятнадцать тысячъ китайцевъ привезли съ собой 150 полевыхъ орудій и 50—осадныхъ.

*) Сзянь-сзюнь—намѣстникъ.

Всего значитъ 200 орудій.

А въ Албазинѣ было 450 человѣкъ при трехъ пушкахъ. Изъ 450 человѣкъ только 400 были вооружены мушкетами.

Поневолѣ пришлось вступить въ переговоры.

Толбузинъ все-таки выговорилъ себѣ право свободнаго отступленія.

Албазинъ онъ рѣшилъ покинуть.

Но китайцы обязывались зато не обнажать противъ него оружія въ то время, когда онъ выступитъ изъ Албазина.

„Амба“ уходитъ опять въ свою тайгу...

Пусть уходитъ амба. Китайцы его не тронутъ.

Но когда открылись ворота Албазина и въ поле выступилъ жалкій по численности отрядъ, громкій крикъ пронесся въ китайскихъ рядахъ.

Крикъ негодованія и презрѣнія!

О, какъ слабосильны лоче! Какъ жалокъ амба! Какъ смѣлъ онъ, онъ, такой жалкій и ничтожный, требовать почетнаго пропуска сквозь китайское войско!..

„Долой амба! Сломать ему когти и зубы“.

Пятнадцать тысячъ бросились на 450 человѣкъ.

Толбузинскій отрядъ былъ обезоруженъ. Даже небольшіе запасы пищи отобрали.

Толбузинъ пошелъ вспять, питаясь кореньями, которые попадались на пути.

Съ дороги онъ послалъ въ Нерчинскъ гонца.

Въ Нерчинскѣ воеводой сидѣлъ Власовъ. Толбузинъ тоже былъ воевода, но долженъ былъ подчиняться Власову, считавшемуся высшимъ административнымъ лицомъ албазинскаго воеводства.

Гонецъ донесъ:

„Идемъ съ великою нужею и питаемся кореньями и травою“.

Власовъ немедленно отправилъ навстрѣчу Толбузину оружіе, провіантъ и подкрѣпленіе.

Подкрѣпленіе велъ енисейскій сынъ боярскій Бейтонъ.

„Амба“ опять повернулъ назадъ къ Амуру.

Онъ опять хотѣлъ впиться когтями въ израненную грудь Маньчжуріи.

Снова изъ груды мусора и бревенъ поднялись албазинскія стѣны.

— Славенъ городъ Черниговъ!

— Славенъ городъ Курскъ!

Амба зарычалъ какъ раньше.

Такъ смерть же амба! Нѣтъ больше пощады!

Восемь тысячъ китайскаго войска осадили Албазинъ.

Десять мѣсяцевъ длилась осада.

Разгромленные, разбитые, скрывавшіеся въ глубинѣ Маньчжуріи, дауры и дугеры поднялись съ оружіемъ въ рукахъ.

— Смерть амба!

Изъ Нерчинска могла придти помощь, но монголы и тунгусы производили на Нерчинскъ непрерывные набѣги.

Смерть лоче!

Помощи ждать было не откуда.

Надъ Албазиномъ вѣяла смерть...

Но Толбузинъ и Бейтонъ уже научились смотрѣть въ глаза смерти. Ихъ войско состояло изъ людей храбрыхъ, но совсѣмъ недисциплинированныхъ. Они сумѣли водворить въ ихъ рядахъ порядокъ.

Они сдѣлали то, передъ чѣмъ оказались безсильнымъ и Хабаровъ, и Зиновьевъ, и Степановъ...

Буйная банда передъ лицомъ смерти стала въ короткій срокъ вполнѣ дисциплинированнымъ отрядомъ.

Амба не только бросался свирѣпо и безстрашно на толпы враговъ, амба дѣйствовалъ разумно.

И вотъ жалкій деревянный острожекъ выдерживаетъ десятимѣсячную осаду восьмитысячнаго вооруженнаго пушками войска!

Бейтонъ и Толбузинъ рѣшили держаться до конца, до послѣдняго казака, до послѣдней пули, до послѣдняго заряда пороха.

Они понимали, конечно, что конецъ рано или поздно наступитъ.

Уже на шестомъ мѣсяцѣ осады сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ припасахъ и въ пищѣ.

Кромѣ того, они несли большія потери людьми.

Все меньше становилось защитниковъ. Рѣдѣли ряды.

А китайцы подходили все ближе...

Въ острогѣ появились болѣзни. Казаки умирали не только отъ пуль и ядеръ, но отъ страшной цынги, отъ недостатка въ пищѣ.

Смерть ужъ глядѣла въ амбразуры Албазина.

И прямо въ лицо смерти сверкалъ огонь мушкетовъ и пушекъ.

„До послѣдней пули, до послѣдняго бойца!"

Наконецъ, во время одной вылазки Толбузинъ былъ убитъ...

Начальство надъ гарнизономъ принялъ Бейтонъ.

Онъ самъ весь израненъ и ходитъ на костыляхъ.

Съ каждымъ днемъ таятъ защитники Албазина.

Ужъ осталось ихъ изъ 736 человѣкъ 80... Албазинъ полонъ труповъ, и труповъ некому зарыть въ землю.

Конецъ...

И вдругъ китайцы сняли осаду. Ихъ войско, тоже значительно порѣдѣвшее, потянулась прочь отъ Албазина туда, откуда оно пришло.

Это случилось 4 мая 1688 года.

Отступить приказалъ самъ богдыханъ.

Но все равно Албазину не суждено было остаться московскимъ воеводствомъ.

Когда послѣ снятія осады начались переговоры съ богдыханомъ, послѣдній затребовалъ прежде всего возвращенія Китаю всего Пріамурья и разрушенія Албазина.

Русскіе дипломаты тогда сдѣлали, можетъ-быть, большую ошибку, согласившись на это требованіе.

Съ тѣхъ поръ „амба“ уже долго не рычалъ на берегахъ Амура.

Вопросъ о важности пріобрѣтенія Амура возникъ было у насъ въ 1803 г., но послѣ того, какъ отправленный русскимъ правительствомъ на Амуръ И. Крузенштернъ съ цѣлью изслѣдовать его устье, донесъ, что устье проходимо только для небольшихъ лодокъ, вопросъ этотъ рѣшено было оставить разъ навсегда.

Только много лѣтъ спустя, Геннадію Ивановичу Невельскому удалось исправить ошибку Крузенштерна...

Слѣдуетъ замѣтить, что Невельскій въ свою экспедицію къ устью Амура пустился самовольно и вопреки желанію императора Николая, считавшаго устье Амура тоже проходимымъ только для мелкихъ судовъ.

Невельскій долженъ былъ везти изъ Кронштадта на военномъ транспортномъ суднѣ „Байкалъ“ боевые припасы въ сибирскіе порты.

Тогда Невельскій былъ командиромъ этого военнаго транспорта.

Передъ отплытіемъ онъ просилъ начальство разрѣшить изслѣдовать попутно и устье Амура.

Начальство отклонило эту просьбу.

Отказъ мотивировался, во-первыхъ, тѣмъ, что устье Амура давно уже изслѣдовано, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что Амурскій край рѣшено было окончательно и безповоротно уступить Китаю, отказавшись разъ навсегда отъ всякихъ на него притязаній.

Въ то время русское правительство Амуръ считало лишней обузой.

— Зачѣмъ намъ эта рѣка?—говорилъ Николай I,— когда въ ее устье могутъ входить только лодки.

Невельскому замѣтили при этомъ, что если онъ вздумаетъ все-таки посѣтить амурское устье, его ждетъ строгое наказаніе.

Ему еще разъ припомнили экспедицію Крузенштерна.

Но Невельскій былъ глубоко убѣжденъ, что Крузенштернъ ошибся.

И вотъ, сдавъ грузъ, гдѣ слѣдовало, онъ направилъ свое судно къ устью Амура.

Устье оказалось вполнѣ пригоднымъ для прохода большихъ судовъ.

Невельскій поднялъ на Амурѣ русскій флагъ.

За этотъ своевольный поступокъ его хотѣли отдать подъ судъ, разжаловать въ рядовые...

Но за него вступился генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ. Онъ ходатайствовалъ за Невельскаго въ Петербургѣ.

А въ Петербургѣ Невельскаго готовы были уже обвинить въ обманѣ: авторитетъ Крузенштерна казался всѣмъ незыблемымъ и непоколебимымъ...

И, можетъ-быть, Невельскаго, дѣйствительно, разжаловали бы въ рядовые, какъ это предполагалось

сначала, если бы государь не отнесся къ нему такъ, какъ онъ того заслуживалъ.

— Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ,—сказалъ Николай,—тамъ онъ уже опускаться не долженъ.

Теперь эти слова красуются на памятникѣ Невельскому, поставленномъ во Владивостокѣ.

Извѣстенъ такой разсказъ о встрѣчѣ Николая I съ Невельскимъ.

Государь призвалъ его къ себѣ и встрѣтилъ серьезно, даже, какъ будто сурово, но безъ гнѣва.

— Итакъ, Невельскій,—сказалъ императоръ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—итакъ ты организуешь свои собственныя экспедиціи... Такъ вѣдь? Ты измѣняешь по своему усмотрѣнію инструкціи, утвержденныя твоимъ государемъ! Да?..

Николай I взялъ лежавшую на столѣ бумагу и снова спросилъ:

— Ну-съ, что же ты мнѣ на это скажешь?

Невельскій хранилъ мертвое молчаніе.

— Эта бумага сдѣлала тебя простымъ матросомъ!—продолжалъ государь, показывая пальцемъ на бумагу, бывшую у него въ рукѣ.

Затѣмъ онъ взялъ карту и сталъ медленно водить пальцемъ по пути, пройденному Невельскимъ.

— Матросъ!—воскликнулъ Николай I.—Да, матросъ... Но здѣсь ты уже сталъ мичманомъ, здѣсь... лейтенантомъ, дальше капитаномъ, еще дальше,—командиромъ корабля! Контръ-адмиралъ... Нѣтъ, еще нѣтъ,—сказалъ Николай I, когда палецъ его остановился на Николаевскѣ.—Нужно сначала наказать тебя за неповиновеніе...

Императоръ взялъ приговоръ комитета, поднялся

со своего мѣста, обнялъ Невельскаго и собственноручно надѣлъ ему крестъ ордена Владиміра четвертой степени.

— Спасибо, Невельскій, — сказалъ Николай I.— Спасибо за твое усердіе. Въ другой разъ только будь осторожнѣй: старайся не превышать тѣхъ полномочій, которыя тебѣ даются.

Амуръ снова привлекъ вниманіе русскаго правительства

Но теперь „амба" укрѣпился уже не въ жалкомъ острожкѣ...

„Амба" для Китая былъ силенъ и грозенъ, какъ никогда онъ не былъ грозенъ раньше.

1858 г., 16 мая, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьемъ писалъ Невельскому:

„Любезный Геннадій Ивановичъ! Сегодня подписанъ трактатъ въ Айгунѣ. Пріамурскій край утвержденъ за Россіею. Спѣшу увѣдомить васъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Отечество никогда не забудетъ васъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе".

Богдыханъ, наконецъ, отказался отъ Амура въ пользу Россіи безъ сопротивленія, безъ одного выстрѣла, безъ кровопролитія...

„Амба" прочно основался на берегахъ Амура.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. По Амуру выросли, одинъ за другимъ, русскіе города, поселки, казачьи станицы.

— «Васильки». Разск. и сказки для мал. дѣт., съ 20 рис. М. 98 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Додэ, А. «Прекрасная Ниверneза». Исторія одного стараго судна и его экипажа. Съ рисунками, ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Епифановъ, Ив. «Игорь, князь новгородъ-сѣверскій». Истор. разск. Съ рисунк., ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

— «Герой былого времени». Историческая повѣсть изъ жизни князя Александра Невскаго. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Жоржъ-Зандъ. «Похожденія Грибуля». Съ рис., ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Инфантьевъ. «Въ плѣну у хивинцевъ». Разсказъ, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Кандезъ, Э. „Удивительныя приключенія пяти воробьевъ". Съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Киплингъ. «Смѣлые мореплаватели». Разсказъ, съ рис., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

— «Въ джунгляхъ» (Человѣкъ - волкъ). Разсказы изъ «Книги дебрей», съ рис., ц. въ папкѣ 1 р.

— «Въ разныхъ странахъ». Разсказы, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Козлова. «Поющій камень». Кавказская легенда, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Кольцо». Разсказъ, съ рис., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Коринфскій, А. А. «На ранней зорькѣ». Стихотворенія для дѣтей, съ рис. Спб. 1896 г., ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Кругловъ, А. В. «Превращенія Зины». Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, съ рис. Изд. 2-е. М. 1900 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Все пріятели». Разсказы для дѣтей младшаго возраста, съ рис. Изданіе 3-е. М. 1903 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Далекое Рождество». Изъ дѣтскихъ воспоминаній, съ рис. Изд. 2-е. М. 1899 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к

— «Въ гостяхъ». «Въ Крыму». Очеркъ изъ разсказа пріятеля. Изд. 2-е, съ рис., ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

— «Котофей Котофеевичъ». Повѣсть для дѣтей, съ рис. Изд. 3-е, ц. въ папкѣ 1 р.

— «Первое говѣнье». (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Съ рис. Изд. 2-е, ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Изъ золотого дѣтства». Повѣсть для дѣтей, съ 55-ю рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. М. 1903 г., ц. въ папкѣ 1 р.

— «Разные разсказы» для дѣтей школьнаго возраста (2-е изд. книги «Подарокъ на елку»), съ рис. М. 1898 г., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

— «За чужимъ горбомъ». Повѣсть для дѣтей. Изд. 4-е. Съ рис., ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— «Нэдэръ и Одэ». Повѣсть для дѣтей. М. 1901 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Разными дорогами». Повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1901 г., ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

— «Сердобольныя». Разсказъ. М. 1903 г., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «На скользкомъ пути». Разсказъ для дѣтей, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Приключенія Мишки Топтыгина». Повѣсть, съ рис. Изд. 2-е, ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— „Дѣти лѣсовъ". Повѣсть, ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

Кругловъ и Догановичъ. «Маша». Повѣсть, съ рис. М. Михайлова. Изд. 3-е, ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Лаухина, М. «Крысанка-Разбойникъ». Повѣсть для дѣтей, съ рис., ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— «Соловейко». Разсказъ для дѣтей, съ рис., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «Свѣтлые дни». Разсказъ, съ рис., ц. 25 к. въ папкѣ 40 к.

— «Пріемышъ». Повѣсть изъ жизни одной дѣвочки, ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Леббокъ, Дж. «Красоты природы и ея чудеса». Переводъ съ англійскаго. Изд. 2-е. М. 1902 г., ц. 65 к., въ папкѣ 80 к.

Лори. «Дядя изъ Чикаго». Оч. школьной жизни въ Америкѣ, ц. 65 к., въ папкѣ 80 к.

Лукашевичъ. «Свѣтлячокъ». Разсказы, сказки и сценки для малыхъ дѣтей, съ рис. М. 1902 г., ц. въ папкѣ 80 к.

Луньяновскій. «Русскія народныя сказки и были». Съ рис. 2 тома, ц. по 80 к., въ папкѣ по 1 р.

— «Сказаніе о томъ, какъ построена церковь св. Трифона». Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Львовичъ, В. «По родному краю». Сборникъ статей по отечествовѣдѣнію. Книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1902 г., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

— «Народы русскаго царства». Сборникъ статей по этнографіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома, съ рис. въ текстѣ. М. 1902 г., ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

— «По Дальнему Востоку». Сахалинъ, Уссурійская область, Манчжурія, Корея и Японія. Сборникъ описательныхъ статей для домашн. и школьн. чтенія, съ рис., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

— «По Азіи». Сборникъ описательныхъ статей для школьнаго и домашняго чтенія. Ц. 1 р.

Лѣсничій, Ан. «Приключенія Ивасека, маленькаго хохла». Поэма въ стихахъ, съ рис. Изд. 2-е М. 1896 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Любичъ-Кошуровъ. «Въ царствѣ пчелъ и муравьевъ». Повѣсть, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Подкидышъ». Разсказъ изъ жизни птицъ, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Отъ добра худа не бываетъ» (Во имя любви). Разсказъ, съ рис., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «Надзиратель» и др. разсказы изъ жизни птицъ. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Леди и Жипъ» и другіе разсказы для дѣтей. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Проблески». Разсказы для дѣтей, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Сарычъ и ворона». Разск. Съ рис., ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

— «Въ манчжурскихъ степяхъ и дебряхъ». Приключенія одного мальчика, съ рис., ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Индѣйскій принцъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис., ц. 40 к.

Любичъ-Кошуровъ и Медвѣдевъ. «Въ стойлахъ». Изъ жизни лошадей, съ рис., ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

— «Друзья-пріятели». Разсказы изъ жизни животныхъ, съ рис., ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

Маутнеръ. «Исторія бѣднаго Ѳеди». Приключеніе маленькаго словака. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Медвѣдевъ, Л. «Первые шаги». Разсказы для дѣтей, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Изъ жизни писателей». Воспоминаніе для дѣтей, ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

— «Господинъ Котикъ». Разсказъ, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Въ гимназіи». Странички изъ воспоминаній, ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

— «Приключенія мальчика». Разсказъ, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Разсказъ монеты». Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Митропольскій, Ив. «Изъ жизни». Разсказъ для дѣтей, съ рис. М. 1899 г., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Рыцарь». Разск. изъ исторіи одного медвѣдя. М. 1900 г., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «Сторожъ» и друг. разсказы. Съ рисунк. М. 1902 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Артемовы питомцы» (Три арапченка). Разсказъ, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Ѳедоръ-Коробейникъ» и др. разсказы. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Тяжелый годъ». Разсказы изъ 12-го года, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Муравьи-спасители» и др. разсказы для дѣтей. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Разсказы про сѣдую старину». Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Чудесныя превращенія» и др. разсказы для дѣтей. Съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Изъ волжскихъ разсказовъ». Разсказы для дѣтей, съ рис., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Изъ прошлаго и настоящаго». Разсказы о войнѣ, съ рис., ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

— «Дѣти лейтенанта». Повѣсть. Съ рисунк., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Днѣпровикъ», разсказъ. Съ рисунк., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «Колька Суходольскій» и др. разсказы. Съ рисунк., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Монгомери. «Его не поняли». Повѣсть для дѣтей. 1901 г., ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

— «Соединенные судьбою». Пов., ц. 1 р.

Мюзереръ. «Пережитое». Воспоминанія, съ рис., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Николаевъ. «Палестина». Географическій очеркъ, ц. 20 к.

Никольскій, А. М. «Уроки жизни». М. 1902 г., ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— «Наши животныя». Очерки, съ рисунк. М. 1901 г., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

— «Мой зоологическій садъ». Съ рис., ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Нольде, М. П. «Послушаемъ!» Разсказы для дѣтей, съ рис., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Оржешко. «Приключенія Яся». Разсказъ, съ рис., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Поздняковъ, Н. «Блесточки». Воспоминанія для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е, ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Потапенко, И. Н. «Золотая медаль». Съ рис. М. 1899 г., ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Разинъ, А. «Разоренный годъ». Историческая повѣсть изъ 1812 г., съ рис. Изд. 5-е, ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Гетманъ Степанъ Остраница». Историческая повѣсть, съ рисунк. Изд. 4-е, ц. 40 к., въ папкѣ 45 к.

Разинъ. «Жизнь не для себя». Повѣсть для дѣтей, съ рис. Изд. 3-е, ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Сенкевичъ, Г. Разсказы для юношества, ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Сергѣенко. «Хитрецъ». Разсказы для дѣтей, съ рис. М. 1899 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

— «Галя». Повѣсть для дѣтей, ц. 60 к.

Сизова. «Князь Вячко». Историческая повѣсть, ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

— «Иванъ Кулибинъ», ц. 15 к., въ папкѣ 25 к.

Смайльсъ. «Путешествіе мальчика вокругъ свѣта». «Жизнь въ Викторіи и переѣздъ черезъ Америку». М. 1899 г., ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Смирновъ, Ил. «Родное». Разсказы для дѣтей, съ рис., 3-е изд. М. 1901 г., ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

— «Подпасокъ». Разсказы для дѣтей, съ рис. 5-е изд. М. 1902 г., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Послѣ экзаменовъ». Разсказъ для дѣтей, съ 6-ю рис. М. 1897 г., ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

— «Дѣтскіе годы». Воспоминанія дѣтства и юности. М. 1903 г., ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— «Школьные годы». Воспоминанія, съ рис. М. 1903 г., ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— «Все правда». Разсказы для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е. М. 1903 г., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Изъ дѣтской жизни». Разсказы для дѣтей, съ рис. М. 1902 г., изд. 2-е, ц. 35 к., въ папкѣ 55 к.

— «Урокъ». Разсказъ, съ рис., ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

— «Костя Рукавицынъ». Разсказъ, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «На привольѣ». Разсказы для дѣтей, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

— «Въ татарской слободѣ». Разсказъ, съ рис., ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. «Маленькія дѣти». Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1895 г., ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

— «Дѣтскій мірокъ». Разсказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ 6 до 10-лѣтн. возр., въ трехъ отдѣлахъ, съ рис. Изд. 3-е. М. 1901 г., ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

— «Былинки». Разсказы и сказки для маленьк. дѣтей, съ 30 рис. М. 1899 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Соловьевъ, М. «На улицѣ и дома». Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта, съ рис., ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.,

Сорокинъ, Ник. «Всюду жизнь». Разсказы для дѣтей изъ жизни и природы. Съ 20 рис. М. 1899 г., ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Сталь. «Скользкій путь». Разсказъ. М. 1899 г., ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

Станюковичъ, К. М. «Изъ морской жизни». Разсказы для дѣтей, съ рис. М. 1902 г. Изд. 2-е, ц. въ папкѣ 1 р.

— «Разсказы стараго боцмана», ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Сысоевъ, В. «Мотыльки». Разсказы для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е. М. 1903 г., ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.